

**ВЛАДИМИР
МАРЧЕНКО**

ПОДОРОЖНИКИ

РАССКАЗЫ И ЗАРИСОВКИ

Москва
Издательство «БПП»
2010

СОДЕРЖАНИЕ

ОСТАНОВКА В ПУТИ	3
НЕ ВСТРЕЧЕННАЯ.....	8
ЕДИНСТВЕННЫЕ	10
В ЗАЛЕ ОЖИДАНИЯ.....	13
ОДНОФАМИЛЬНЫЕ	15
НЕРОВНОСТИ СУДЬБЫ.....	18
НАДЕНЬКИН ДОЛГ	25
ЗА МОЛОКОМ.....	29
НА ПАРОХОДЕ МУЗЫКА ЗВУЧАЛА	37
ТАКИЕ ДЕЛА.....	48
НОЧЬЮ В БЕЛОВО.....	53
ОБЪЯВЛЕНИЕ	68
ГОРЬКОЕ СЧАСТЬЕ	70
РУЧЕЁК.....	75
ЗАБОТЛИВЫЙ АНИКИН.....	79
ОДНАЖДЫ В КУПЕ	86
СОН.....	94
СЕЛЬСКАЯ ФОТОГРАФИЯ	98
СНЕГОВЕРТЬ.....	100

Как журналисту, кинорежиссеру приходилось много ездить, а за время заочной учёбы в Литературном институте два раза в год путешествовал из Сибири в Москву и обратно. Наблюдал жизнь в вагонах, на вокзалах, записывал рассказы пассажиров. В этой книге лишь малая часть невыдуманных дорожных историй. Персонажи, где-то живут, по понятным причинам изменил фамилии, а всякое совпадение – случайность.

ПОДОРОЖНИКИ

ОСТАНОВКА В ПУТИ

Заплакал в соседнем купе ребёнок. Привалов выбрался из своего полусна, посмотрел вниз. Он привык за три года утром смотреть вниз, так как постоянно спал на втором ярусе. Молодая женщина тихо разговаривала с девочкой. Вечером их не было в купе.

Вагонная жизнь скорого поезда не похожа на суету пригородных электричек. Отличается от напряженного ритма почтово-багажных составов местного значения. Люди обречены на длительное соседство друг с другом. Так и Привалов все три года был в состоянии обречённости.

Знакомились основательно, считались с привычками и вкусами соседей. Развлечений мало при подобных путешествиях. Кто-то читает газеты, охотясь за ними на остановках, кто-то, найдя партнёров, играет в карты, шахматы. Любители спиртного очень тихо стучат стаканами, а запасливые работают челюстями, слушая радио и, поглощая в невероятных количествах пироги, обжаренных кур и уток, добывая на стоянках варёный картофель с огурцами, грибами и много чего такого, что потом становится причиной неудобств.

Таня задавала Привалову множество вопросов. Ему казалось, что это младшая сестра, которую баловал вниманием во время отпуска.

— Вишь, как ребёнок тянется к мужчине. Отца ей нужно, — говорила поучительно пожилая женщина.

— Мама, — качнула головой особа в фиолетовых брюках и сиреневой кофточке с ажурными дырочками, — пожалуйста, хватит об этом.

— Всю жизнь будешь одна. Погиб он. Нечего ждать. Документ пришел. ...А вы, где служили? — настойчивая женщина выясняет, куда едет Привалов, кто его ждёт дома. Начинает усиленно угощать попутчика домашней снедью. Аркадий отказывается, говоря, что не умылся, что так рано не хочет есть.

— Дядя Аркаша, пойдём вместе умываться.

— Таня, девочки не ходят с мальчиками в туалет, — проговорила Ирина, сдерживая раздражение.

— Дядя наш — не мальчик. Он друг мне. Раз мы едем в Новосибирск вместе. Правда? Он друг нам? ...Не хочу с бабушкой. Она сильно журчит водичкой. А я простыла.

— Зачем вы? — смущенно проговорила Ирина, когда Аркадий выложил на столик два апельсина. — Домой везите.

После завтрака Таня попросила достать ей книгу и села рядом с Приваловым. «Почитаем? Нет, мама, ты пропускаешь много. Я ничего не могу понять». Прочитали книгу о Мухе-Цокотухе, начали вспоминать, что в мире самое хорошее.

— Самое пресамое... — это когда тебя никто не обманывает, — сказала девочка серьезно. — А вас обманывали?

— Обманывали, — сказал Привалов.-...Я — не умею.

— У вас глаза не обманучие. Я сразу вам поверила. Дадите мне ваш значок поносить на полчаса? Не потеряю. Мне бабушка давала свою медаль трудовую. Ни разочку не потеряла её. У вас, правда, нет детей? И не было ещё? И жены совсем нет ни одной? ...Я не липну, мама. Мы разговариваем. У него никого нет. И у меня только мама, бабушка и дедушка нас ждёт на «Шлюзе». ...Хотите, я у вас буду? Нам с мамой было бы надо пожениться с вами. Я когда иду через дорогу мне опасно одной. А с вами я пошла бы хоть куда. Мама, скорей поженитесь с дядей Аркашей, чтобы я звала его папой. Когда на меня будет нападать большая собака дедушкиных соседей, он её прогонит. Собака увидит, что у меня есть папа, никогда не станет на меня лаять и сердиться. ...Он прибьёт крючок в ванную дверь. Он же в армии научился, и умеет прибивать крючки. Олежек такой неумеха, ничего не умеет, а только приносит цветы и торт, хотя сто раз говорила, что я люблю бисквитный, а он всеравно приносит песочный. Я видела, как Олежек маминой помадой себе губы красил. Это как понять? — девочка скривила губки, глядя на Привалова, ожидая реакции.

— Не говори, Таня, разные глупости. Олег приходил один раз на день рождения, Мы вместе работали когда-то.

— Совсем не глупости, мама. Он всегда красит свои губы.

— Не слушайте её. Она такая фантазёрка, сама сказки сочиняет.

— Что-то мне пить захотелось, — проговорила Таня. — Хорошо бы минеральной воды, мама.

— Пойду за газетами и постараюсь найти, — сказал Привалов, вставая.

— Вы идите вместе. Когда вместе, то не остаются на станции. Дядя из второго купе пошел один, и остался без поезда.

— Мама, ты долго не собирайся. Сразу идите. А как поезд остановится, будет много времени, чтобы найти воду.

Они зашли за киоск на перроне. Ирина попросила сигарету. Закурили.

— Чудесный ребёнок у вас. ...Может быть, когда-нибудь. Не только общительная, но и умная.

— Она замкнутая, слово не вытянешь. Вы на неё действуете. С посторонними Таня ведёт себя настороженно, недоверчиво.

— Давайте в ресторане пообедаем. Отказы принимаются завтра и только в письменном виде.

— Вам захотелось послеармейских приключений, чтобы скоротать дорожную скуку? Я согласна. Я — старше. Меня проще обвинить за соращение молодого советского моряка, а тем более, никогда больше не встретимся. Это самое главное.

После пресного обеда с бутылкой марочного Кагора Аркадий купил плитку шоколада, банку кофе и лимонад. В одном из тамбуров Ирина остановила его, попросила сигарету.

— С тобой надёжно. Я — скучна, даже после вина. Позвольте вас поцеловать, матрос из Калининграда? ...Сто лет никто меня так не целовал. Я заплачу от этого маленького приключения. Ты нежный, как...

В поездах очень мало удобств для влюблённых. Вагон покачивало и кренило на поворотах. Мелькали за окном тамбура опоры, проносились со свистом и рё-

вом встречные составы. Зелёный шелк, развешенный на деревьях, сочен и ярк. Чёрные проплешины выжженной травы заполняли выемки и высокие откосы. Потянулись луга. Загрохотало впереди. Начался длинный мост. Она взяла его руку.

— Что хочет рыцарь вагонного ордена? Сегодня вам можно всё. Не бойтесь меня обидеть. Обижайте, унижайте. Ты полюбил моего ребёнка. Спасибо. Еще бы окошечко занавесить. Хотя бы одно.

— Мама, скоро Искитим или Бердск? Нам выходить? — с тревогой спросила Таня, когда они, пахнущие вином и ресторанным гуляшом, вошли в купе. — Это мне? Всё? Я — бабушке разделю. Дядя Аркаша, вы просто, как родной.

— Деньги, небось, у моряков не бешеные, — сказала женщина, — а вы столько всего накупили.

— Бердск, Танечка, будет на вторые сутки. Но нам выходить на Сеятеле. Садитесь, пообедайте, мама, мы вам курочку принесли, которую называют цыплятами табака. ...Ничего, я не веселюсь, мама, просто выпила хорошего вина.

— Вот здорово! Нам сколько ещё долго ехать. Я бы всю нашу жизнь вот так ехала бы, — мечтательно говорила Таня, разламывая шоколад.

Над Обским водохранилищем стоял тяжелый туман. Городок Бердск оказался довольно большим. Возвышались многоэтажные дома, спешили автомобили по асфальтовым улицам.

— Просто я не знаю, дядя Аркаша, как я буду одна ходить в садик через дорогу. Ты подумал?

— Подумал, — сказал Привалов и улыбнулся, а Ирина уронила мыльницу. — Мы будем ходить вместе.

— У тебя совсем не осталось апельсинов. Я их все переела. И тебя съем, как серый волк, — девочка прислонилась к Привалову и вытерла глаз. — Только ты не уходи сразу от меня. Поживи с нами. И я стану звать тебя папой. Я научусь ждать тебя с работы. Ты будешь плыть и работать на пароходе, и знать, что я жду тебя.

— Молчунья наша разговорилась, — радостно сказала пожилая женщина. — На Сеятеле нас будет ждать дед. У него «Москвич».

В тамбуре юная проводница, похожая на актрису, вдруг сказала, вынимая билеты:

— Вы, почему выходите? Вы же в Томске...

— Мы потом в Томск поедem, — сказала Таня серьёзно, — вы нас не ждите, тётя. Мы будем долго. Баба, наклонись, я тебе только скажу. Когда я вырасту, можно мне пожениться с ним? Сначала мама, а потом я. ...Так бывает. Я видела в телевизоре. Не говори деду, что я влюблённая. А мама не психует. Я так волновалась, что туфли надела на разные ноги.

НЕ ВСТРЕЧЕННАЯ

Она вышла из вагона. С тревогой посмотрела вдоль платформы осторожными глазами. Кто-то в сером плаще вынес её мешок с двумя коричневыми полосами, в котором угадывались некрупные арбузы или дыни. Она с грустью смотрела в сторону вокзала. Люди упорно втискивались в вагоны, волоча чемоданы, подсаживая детей.

Двери вокзала выплёвывали и всасывали пассажиров без отдыха. К свободному бетонному причалу встал еще один, подрагивающий от напряжения, поезд. Потоки людей нерадостно обтекали девушку, словно

камешек на речной стремнине. Она не обращала внимания на толчки, но её лицо в голубой косынке становилось тревожно-печальным.

Поезд, напрягая тепловозные силы, отполз от вокзала, продолжая маршрут. Она с горькой тревогой смотрела в сторону незнакомого города. Сквозь редкую сирень просматривались автомобили-такси, кривобокие перегруженные автобусы и суетящиеся люди, которые уже не могли называться пассажирами, став пешеходами и покупателями.

Прокатилась, толкаемая женскими руками, гремучая тележку с каменноугольными банками. Вдруг у тамбуров встали, как в карауле вагонработницы в синей форменной одежде и, как по команде, расчихлили красные флажки. Прошла, нерадостно прихрамывая статная женщина в белой куртке, с большой скрипучей корзиной желтого винограда. Переговариваясь и, стуча по буксам молоточками на длинных чёрных ручках, проскакали вагонные осмотрщики.

Ветерок капризно раздувал лёгкое платьице девушки, всё еще стоящей у вагона. Мешок сонно свернулся у её полноватых ног в белых ремённых туфлях. Пятнисто-кремовое платье волновалось небольшими неровными складками вокруг бёдер, посредством ветреных усилий. Острый луч заходящего осеннего солнца нечаянно сорвался с крыши пропылённого вагона дальнего следования и сделал платье почти прозрачным. Фигура, окруженная золотым светом, стала воздушной. Девушка была так спокойна в своём волнении, что пассажиры, стоящих поездов, невольно обратили внимание на это перронное чудо.

Уставшие от вагонной тесноты и разговоров жен, мужчины во все глаза смотрели на совершенное

изваяние за вагонным стеклом, освещённое солнцем и тревогой. Женщины невольно вспоминали умчавшиеся годы-поезда и невольно сравнивали с той, которую не встретили.

ЕДИНСТВЕННЫЕ

Их книги разделяла узкая полоска вагонного столика, на котором пускала тончайшие пузыри начатая бутылка лимонада. На поворотах стакан касался бутылки и грустно позванивал. Он убирал глаза от страницы, и трогал взглядом унылый пейзаж с темной стеной леса и низкими грязными бесформенными облаками. Его серые глаза на какую-то крохотную дольку секунды скользили по её овальному лицу, словно поглаживали тонкие коромыслица редких бровей, неопределённого цвета светлые волнистые длинные волосы, слегка курносый носик и яркие восточного рисунка губы без следов помады. В постоянном танце кружились за полосой отчуждения тонкие березы с желтыми листьями и осинки красноватых тонов. Неумоимо бежали за вагоном креозотовые столбы, опоры электроконтактной сети. Дробно и дружно стучали под полом трудяги-колёса. Две пожилых женщины сучили нескончаемую пряжу своих бледных разговоров. Дядя с округлой талией, и в потемнелой рубашке подмышками, шуршал свежескупленными старыми газетами, словно искал в них свои стихотворения.

Мысленно Павлик Чавилин давно разговаривал с попутчицей, но только мысленно. Все слова казались пустыми и невзрачными. ...Знакомился легко, молот вздор, девушки или надували губки или поддерживали

его дурачество. А сегодня что-то разладилось. В первые секунды, как только увидел девушку, решил, что за болтовнёй и лёгким флиртом сократится дорога, и быстро окажется в родном Томске, который покидал, чтобы помочь бабушке расправиться с урожаем картофеля. Но, наткнувшись на её взгляд нестерпимо добрых и заботливых сине-зеленоватых глаз, вдруг забыл дышать. ...Машинально дышал, привычно и неосознанно делал вдох и выдох. А тут случилось нечто странное и необъяснимое.

Девочки у него были. Они научили его быть ласковым и внимательным. В школе не преподавали нужного, а в армии старались командиры, чтобы он мог бегать во все лопатки, и к концу дня падал без сил на своё личное солдатское место. Поэтому спасибо девочкам. Они показывали, как нужно себя вести в той или иной ситуации, как нужно обнять хрупкое тельце, чтобы ничего такого не повредить ни снаружи, ни внутри. Иногда забывался, отдаваясь потоку страсти, так обнимал подружек, что они, задыхаясь, шептали: — «бешеный, бешеный».

Она хотела, чтобы попутчик сказал хоть что-то, хоть единственное слово, но он только взглядывал в окно, касался глазами её лица. Нина Телегина перебирала строку за строкой, но прочитанное не доходило до неё, не понимала о чем написано. Мысленно ответила на его вопросы, но только мысленно. Нина искала повод, чтобы заявить о себе, и растормошить его, но не находила, хотя никогда не была стеснительной. Подружки говорили, что за словом она в карман не лезла ни к кому.

А поезд топал тяжелыми колёсами, скрипел вагонными суставами. Сочился за окном неприятный

осенний пейзаж земли. Когда закрыла книгу, Павел понял о себе многое и загрустил. Нина выдвинула спортивную сумку, положила среди вещей книгу, пригладила совсем обыкновенные волосы и встала, взглянув ему в глаза.

— Помог бы девушке. Сидишь, как слепой, — сказала старушка. Павел обрадовался, вскочил и схватил ручки сумки. Встретившись пальцами на короткое время, молодые люди почувствовали что-то необыкновенное. Каждый проникся уважением друг к другу.

Они вошли в гудящий банными голосами вокзал, и никто не обратил внимания на них.

— Идите, — сказала Нина. — Вы опоздаете на наш поезд.

Павел услышал столько нежности и невысказанной радости, что от его робости осталась лишь маленькая сухая веточка, всё ещё живущая в нём. Они стояли у входа и ласкали друг друга взглядами. На них ворчали, их толкали, а они стояли и радовались самим себе, потому что встретились. Поняли, что много дней и лет стремились узнать друг друга, выделив из гущи разного народа. Всегда встречались и знакомились не с теми. Любили иногда, но тех. Нашлись, чтобы расстаться.

Пробурчало с потолка невнятно булькающее радио. Вякнул тепловоз, потянул за собой надоевшие ему вагоны, которые не хотели катиться дальше. Если бы сказала, чтобы остался, но она молчала, ожидая, что он скажет: «Поедем со мной». Она поехала. От мамы и подруг; отправилась за ним, но он не знал этого и молчал, боясь обидеть предложением, зная, что у неё есть свои обязанности и долг.

Ноги сами понесли его к поезду, потому что там было его, предписанное билетом, место, книга, к которой не привык за дорогу. Книга называлась строго и поучительно — «Этюды оптимизма».

... Не было у них ни времени, ни карандаша, чтобы записать адреса или хотя бы произнести. Она боялась показаться назойливой и глупой. Но бросила свою сумку и побежала за ним, чтобы сделать хоть что-то для своей памяти, чтобы никогда не забывать за сутолокой больших и малых дел эту встречу. Она поцеловала его, навсегда запомнив вкус слабых губ, поцеловала так крепко, как можно целовать в мыслях любимого человека. Ведь только в мыслях мы не боимся быть ласковыми и нежными.

В ЗАЛЕ ОЖИДАНИЯ

Степан Никодимов оторвался от очереди у билетной кассы и пошел в зал ждать своего времени. Радостное настроение после приобретения билета стало истончаться и ему становилось скучно, как и всем другим пассажирам.

Миленькая девушка и мальчик вошли неторопливо в зал. Степану показалось, что он где-то видел их. Она села среди людей на одну из скамеек, а мальчик встал в её округлые незагорелые колени, подправил за брючный ремень белую рубашку и улыбнулся крохотной ласковой улыбкой. Девушка посмотрела на мальчика скучным и печальным лицом и глаза её оживились, наполняясь радостью.

Никодимов видел, что люди смотрят на них. Вероятно, они, как и Степан, вспомнили детей, жён или лю-

бимых, оставленных далеко и давно. Степану захотелось быть счастливым, но он не мог этого сделать, так как был один. Он не знал, что крупинка счастья уже вошла в него, но пока не ощущал её.

Степан всматривался в открытое овальное лицо девушки и думал свои небольшие клочковатые мысли. Заметил, что девушка не так уж и молода, как показалось сразу. Она могла быть сестрой мальчику, а может быть, и мамой. Но у неё ничего не было в руках — ни сумки, ни авоськи. А мамы всегда берут с собой в дорогу разные предметы дорожной необходимости. Женщина не разглядывала пассажиров, не смотрела в окна. Она сидела и смотрела полуприкрытыми глазами на спокойное лицо мальчика и молчала.

Степан отметил, что нос женщины привлекателен строгой прямотой, но немного великоват, потому что лицо было худым, а подбородок заострён. Плавные линии губ столь совершенны и приятны взгляду, что несоразмерность носа скрадывалась. Степан когда-то занимался рисованием, а поэтому знал, что если не уловить выражение губ, очертание глаз, портрет не получит сходства. В глазах и губах заложен характер. Вот только надо уметь поймать его и суметь нанести на холст или бумагу. Никодимов посчитал, что характер у незнакомки добрый, уравновешенный. Это он заключил из поведения мальчика. А тот не шалил, не влезал на фанерное сиденье, не крутил головой, строя гримасы. Одежда на нём чистая, выглядел опрятно и вполне празднично. Мальчику могло быть лет семь или восемь. Его чёрные брючки с настоящим ремнём могли вызвать зависть у сверстников. Никодимов никогда не носил в детстве таких брюк. Время было послевоенное.

В школу бегал в сатиновых шароварах, сшитых бабушкой.

Мальчик зачарованно смотрел на мать, гладил её руку и улыбался. Его блестящие живые серые глаза были так радостны, что Никодимову стало немного завидно. Он никогда не видел таких детей, а его непоседа Слава, по сравнению с этим незнакомцем, просто сорванец. «Это может быть, оттого, что я часто отмахиваюсь от его просьб, мало уделяю внимания, — подумал Степан, — Перед отъездом задавал вопросы, а я сказал, чтобы не лез с глупостями, а играл в комнате».

— Мамочка, нам нужно обедать, — по слогам проговорил мальчик, трогая пуговицу на самовязанной кофте. Женщина быстро делала жестами слова. Пальцы мальчика тоже «заговорили». Женщина встала и они ушли. Никодимову показалось, что у него что-то отняли, лишив крохотного подсмотренного счастья.

ОДНОФАМИЛЬНЫЕ

Аршиновы удивились пустоте вокзала. У касс неприлично свободно. Анатолий Фёдорович Аршинов взял паспорта, билеты, добыл мелочь из чёрного копытца...

— Дядя, дайте мне чуть-чуть денег. На хлеб. Папа убил маму. ...Она продала его акции и купила пальто мне к школе. Теперь мы живём у тёти с братом. Она посылает нас просить деньги, потому что ей не приносят пенсии.

Аршинов взглянул в большие карие глаза девочки, и оторопел. Лицо — кукольно-красиво. Густые

чёрные не детские брови, влажные алые пухлые губки... Ситцевое платье, вытянутая кофта...

— Ты ела сегодня? ...Тогда пойдём.

Аршинов купил хлеба, булочек, килограмм колбасы. Девочка не удивлялась. Она даже взяла его за руку, подвела к лотку, на котором лежали диковинные фрукты. Анатолий Фёдорович складывал в пакет бананы, яблоки. Девочка взяла яблоко, потёрла о кофту...

— Мыть надо, — выбрала банан, принялась очищать. — Только вы не покупайте больше ничего. Я обманула вас. ...Простите. Я всё наврала. Это мама меня посылает. Она, ... — девочка вдруг разрыдалась.

— Аршиниха, опять побираешься? Вот скажу в школе, — кривляясь, говорила полная девочка с мороженым.

Анатолий Фёдорович, внимательно всмотрелся в лицо плачущей. Его сердце отчего-то сжалось.

— Ты Зоя Аршинова?

— ...Мама все деньги пропивает. За садик платить нечем.

— Не плачь. Сколько тебе лет?

Одиннадцать лет назад был женат на симпатичной особе, которая собиралась стать матерью. Запрещал ей выпивать. Возвращаясь из рейса, разгонял застолья. Однажды обнаружил исчезновение лодочного мотора, ружья, сетей. Тоня не хотела лечиться, говоря, что пьёт, потому что пришли гости, может бросить в любое время. Не выгонять гостей? ...Уехала тайком. Через пять лет прислала письмо, в котором просила оформить развод, так как нашла приличного человека. Аршинов переехал на Алтай к родителям. Женился на однокласснице. Знакомый, живший в Павлодаре, ска-

зал, что видел Тоню с девочкой. Анатолий послал ей деньги, но перевод вернулся. И вот в Барнауле на автовокзале Аршинов встречает свою дочь, которая выросла, нуждается в помощи.

До отправления рейса оказалось много времени. Анна Андреевна восприняла известие спокойно.

— Тебе нужно узнать, как живёт твой ребёнок. Мы вполне можем помогать этой несчастной. Не уверена, что твой.

У трамвайной остановки Анна увидела магазин детской одежды и предложила купить костюм девочке. Зоя застеснялась, сказала, что у неё ещё новая школьная форма, а лучше младшему Толику купить что-нибудь, потому что он ходит в садик в старье, которое дала соседка.

— Как звать твою маму? — спросила Анна, когда вошли в подъезд.

— Тоня. Антонина. Мы жили в Павлодаре на улице Абая. Потом завод закрыли, и дядя Витя привёз сюда. Он купил квартиру, а потом стал играть в казино и все деньги проиграл. Потом куда-то делся. Мы его искали, но он не нашелся.

— Всё правильно, — сказал Аршинов мрачно.

После длительных звонков дверь открылась. На пороге встала полная женщина со следами прошедшего праздника на лице.

— К нам дядя Толя и тётя Аня. Они купили нам одежду.

— Чего надо? Мы не просим подаяния. Участковый прислал? Не ворует...

— Антонина Павловна? ...Аршинова? — спросил Анатолий Фёдорович медленно, вглядываясь в одутловатое лицо женщины.

— Обознались, господа. Чешите себе дальше.

— Мама, мы же Аршиновы! — воскликнула девочка.

— Волковы! Мы — Волковы. Сколько тебе говорить?

Дверь захлопнулась. Аршиновы пошли по замусоренным ступенькам. Анна рассмеялась. Анатолий молчал.

— А костюм? Забыли? Подожди.

Женщина постучала, толкнула дверь. Её встретила девочка. В коридоре перед зеркалом стояла полная женщина и что-то бормотала.

— Мама, я всё принесла. Не плачь. Спасибо тётя, — сказала девочка. — Чего ревёт, как больная. Вы ошиблись? Мы — Волковы. Плачет, а исть я принесла.

Спускаясь по лестнице, Анна раздумывала, как ей поступить — сказать, или не говорить о том, что он не узнал свою жену. Если скажу, то будет им помогать, растравливая больное сердце, меньше внимания и денег достанется детям, а если не сказать, то получится подло.

НЕРОВНОСТИ СУДЬБЫ

Он почти вбежал в автобус междугороднего сообщения и спросил разрешения сесть рядом. Катя Королькова кивнула очаровательной светловолосой головой и продолжала вспоминать последнюю встречу с Николкой. Перед отъездом в институт, где училась на пятом курсе, пошла в колхозный сад. Не то, чтобы очень нужно было набрать на компот сливу, просто хотела ещё раз поговорить с женихом. Агуреев работал

на тракторе, пахал зябь на делянках сортучастка, что граничили с плантациями колхозных ягодников.

Завёл её в заросли облепихи и стал тискать, привычно сминая, как кусок теста. Катя вырвалась и зло сказала:

— Успокойся. Рак может быть от таких ласк. ...Окончу институт. Поженимся. Год остался, а ты дом так и не начал строить. — Николка постарался выразить на мужественном лице скорбную обиду.

— Что тебе дом? Поживём с родителями. Две комнаты, вход отдельный. Вода и отопление. У тебя кто-то есть? Вот ты и кочевряжишься... — Катя обиделась. Набрала яблок из ящика, что стоял у весовой, и не стала рвать сливу.

— Скажите, а поезд до Барнаула вечером идёт? — обратился парень, пытаясь познакомиться. — Боюсь опоздать. Еле председатель отпустил. Уборочная. Техника ломается. Готовиться некогда. Не сдам...

Катя понимала, что становиться на землю нужно двумя ногами. Мама права, когда говорила, что две сойки в одном гнезде не высидивают птенцов. Сколько семей расходятся, лишь потому, что им мешают родители. Николай не завёз и в эту зиму брёвен на сруб. Обещал распилить, когда писал в письме, когда звонил. Фундамент, как был, так и остался. Даже огород не вспахан. Зарос новой высокой нездешней травой, залетевшей в село Лебяжий Ключ невесть откуда.

Колькиному отцу тоже, оказалось, некогда заниматься землёй. Катин папа — инспектор госстраха — купил и привёз цемент, пригласил канавокопатель из участка связи, организовал установку опалубки и заливку бетона.

С такой семьёй не стоит связываться. Ограду можно было сделать? Не сделали. ...И не пьющие. А хозяйство давно не держат. Агуреев старший в заготконторе с портфелем ходит. И сына пристроил заготовителем, но случилось странное. Ревизия обнаружила недостачу мёда и шкур. Пришлось вновь сесть за руль трактора.

Бордовые комбайны, окутанные дымными клубами пыли, молотили высокую рожь. Сосед, — приятный паренёк в новой кожаной куртке — просто впился своими жёлтыми глазами в окно. Будто увидел нечто удивительное. Вот одна машина встала. Выпрыгнул на стерню чумазый комбайнёр с ломиком, начал что-то делать, зайдя за вертикальную лесенку.

— Серёга барабан забил! — воскликнул попутчик с болью в голосе. Показалось, что хочет выскочить из автобуса и помочь в ликвидации аварии. — Сколько раз говорил, чтобы не затягивал муфту большого шнека до отказа. Теперь ковыряйся... Полчаса простоит. Рожь, что бамбук у нас.

Катя посмотрела на руку соседа. Увидела, что под ногтями не отмылся мазут, что большая царапина начала подживать. Ей приятно чувствовать на себе ласковые взгляды попутчика. Поняла, что нравится молодому человеку. Знала, что хорошенькая, что миниатюрная, что к ней всегда липнут здоровенные спортсмены из других групп. Все обещают носить на руках и даже носят, как куклу, как ребёнка, называя Дюймовочкой, Барби. Огорчало Катю то, что ножки у неё не столь прямы, как хотелось, поэтому шила и носила брючные костюмы.

Попутчик понравился серьёзностью и какой-то основательностью, которая была в словах, в жестах.

Работал помощником бригадира по технике, заочно учился в сельхозинституте на факультете механизации и электрификации на четвёртом курсе. Она предположила, что колхоз скоро выдаст ему документы на квартиру, а возможно, как активиста-комсомольца, выдвинут в райком партии инструктором. Катя решила, что останется в городе. У них в деревне нет горячей воды, как нет и ванной. Хотя унитаза отец установил, траншею водопроводную вырыли, а труб нет.

— ...Мама мучается. Воду греет и стирает в бане... Я буду жить в городе...

— У меня в квартире всё. — Хвастливо сказал Валерий Андреевич Балатонский. — Летом построили нам дом. Я установил ванну и электрический титан. Теплица станет обогреваться газом. Своё газохранилище сделал...

— Кому это вам?

— У нас дом двухквартирный, — начал вилить мальчишка...

Значит, у него кто-то есть. Такой парень и без невесты не может существовать — ни теоретически, ни практически. Вполне приличный тип. Почему бы ему не стать отцом моих детей. Трудяга, скромный. Можно ближе познакомиться. Надо брать ситуацию в свои руки. Жди, когда привыкнет, когда насмелится, когда институт закончит. Уведут местные девочки...

Он хотел взять билет на её поезд, но свободных мест не оказалось, пообещали продать по приходу. Он пошёл за ней в зал ожидания. Сел рядом. Немного помолчал. Принёс мороженое. Она хотела отказаться, но раздумала. Нельзя обижать мужчин, они нервные, могут обидеться. Будет потеряно очарование знакомства, когда каждый, открывая друг друга, старается показать

себя с лучшей стороны. Это потом при совместной жизни открываются и другие стороны, которые обычно перевешивают положительные качества. Неосторожные невесты начинают воспитывать мужей, куют чужие характеры под себя, а точнее, переламывают. Из этого воспитания ничего не получается хорошего. Никто не хочет уступать, считая своё слово важным и последним. В итоге — развод.

Катя знает, как будет жить, знает, как быть заботливой женой и ласковой матерью. А ещё она знает, что нужно уважать принципы мужа, считаться с ними, тактично намекая, что в доме он — главная фигура на семейной чёрно-белой клетчатой доске.

Катя умеет наблюдать и анализировать. Мама не подозревает, что дочь давно и успешно изучает её опыт семейной жизни. Сравнивает с жизнью родственниц. Делает выводы. А могла бы написать трактат для девочек и мальчиков, так сказать, инструкцию по семейным отношениям. Одно дело наблюдать, а другое — применить на практике.

— До поезда три часа. Я тёте обещала завезти шерсть. Чуть не забыла. ...Тётя не обидится, если лёгкий мешок с её шерстью понесете вы.

Город Валера знал хорошо. Сказал, что такси их домчит за пять минут. Когда таксист решил сделать круг по дворам, сказал строго и внушительно: «Земляк, через Горняк будет ближе. Вот тебе деньги, вези без ребусов. Ты не Иван Сусанин, а мы — не поляки. Я — в Рябцове четыре года жил, когда в техникуме учился».

— ...На даче, — огорчённо сказала Катя, когда обиженно стояли и смотрели на дверь. — На даче. Суббота. Где может быть горожанин осенью? Недотумкала.

Через двадцать минут хорошенькая подвижная Катенька и стройный колхозный механик Валерик брели мимо яблоневых деревьев по кооперативному товариществу садоводов.

Перепрыгивая козочкой через арык, будущий детский врач подвернула не совсем стройную ножку. Опустилась на пыльную травку, потирая щиколотку.

— Тут рядом, — морщась, говорила педиатр Катя. Валерка нагло подхватил её на руки. Она уцепилась за шею и за мешок с шерстью.

— Так вот и пойдём. ...Да, ты лёгонькая, — удивлялся он.

— Есть девочки потяжелее?

— Сколько угодно. Есть такие неподъёмные, что втроем приходится из кино нести.

— Приходилось? — обнимая тёплыми руками жилистую шею, спросила будущий врач детей.

— Приходилось. Если честно.

— Так вы, со стажем — Донжуан? Пропала в руках искусителя донна Катя. — Ты не устал? Можно мне самой немного поковылять. Вон и домик моей тети Аллы. ...Всю жизнь? Неужели вот так всю жизнь, и до магазина, и до бани? ...Сначала наобещаете, а потом — руки устали. ...Опыта не было, если честно сказать. Блюлась, на картошке, как могла. Билась и за урожай и за непорочность свою. Картошка — это для девушек опасное место, где потерять честь и достоинство, — раз чихнуть. В этом году, надеюсь, не погонят в колхоз копать клубнекорнеплоды. Соблюдовала себя для единственного и неповторимого. — Зачем она его поцеловала? Никто не просил. Проявила излишнюю торопливую нескромность. Теперь начнёт думать, будто она доступна. Но Валера не стал привязываться, её по-

целуй расценил, как нечаянное прикосновение на неровностях судьбы и дороги садового кооператива.

Любимой тётки почему-то не оказалось и на садовой заимке. Катя, поразмышляв шерлокхолмсовским дедуктивным образом мысли, посоветовала посмотреть ключ в лейке пенсионного возраста, стоящей на щитах снегозадержания. ...Проковыляв к дивану, прилегла. Валера набрал на ужин яблок, слив, вишни и терпких груш по имени Тёма. Исполоскал все фрукты в струях алейской воды, доставил к дивану. Они степенно в полумраке ужинали и смотрели друг на друга счастливыми глазами.

Нога от яблок взялась больше пухнуть в ступне. Это наследственное, — подумала она, а Валера начал искать аптечку в ящиках столов и в буфета тётки Аллы, нога у которой тоже иногда капризничала, но тётка весила около ста, а Катенька — пока около сорока. Вместе со всеми конспектами и раскладным зонтиком.

Валера удивительно нагло и быстро разул ее, и брюки задрал — куда мог, начал бинтовать щиколотку быстрыми и горячими руками. Они были так нежны, что Катя ощутила в себе какое-то навязчивое томление и тревогу за тётку, которая не увидит сегодня Валерика с грязноватыми ногтями и белыми полосками шрамов на пальцах.

На несколько секунд она вспомнила о поезде, который скоро должен притопать на станцию Рябцово и, забрав причитающуюся порцию пассажиров, отправиться аж до Казанского вокзала столицы. Забыла о нём, как о незначительной и ненужной вещи. Познавала себя и Валеру. ...Она была маленькой, а он большой сильный и неутомимый, как кочегар самолёта братьев Райт.

Она дышала ему в шею тёплым фруктовым дыханием, целовала просторную не волосатую грудь и совсем забыла о перетянутой припухшей ступне; удивлялась себе и своему любопытству. Подбадривала мальчика, чтобы он не беспокоился за неё, так как всё устроено и придумано с учётом и условием необходимых возможностей. Он увереннее стал ласкать упругое спортивное тельце, целовать в разных неожиданных местах, восхищаться фигурой, удивляться белыми «голубками» с «клювиками», похожими на крохотные ягодки малины.

— Это утро или вечер — устало улыбнулась Катя сказочной улыбкой, алых выпуклых кукольных губок, которая была нежной и застенчивой одновременно. — Нога моя не болит. Вот только опухоль не покинула ножонку.

...Свадьбы не было. Молодые арендуют комнатушку в районе Тихого Потоке. Катя денежно практикует детским врачом стоматологом, в клинике, а Валера, по-прежнему заочно грызёт гранит науки. Катя настояла, чтобы он намыливался в аспирантуру. А работает в мастерской по реанимации бытовой техники. Специализацию скоро пройдёт по холодильным установкам.

НАДЕНЬКИН ДОЛГ

Лишь в вагоне Надя поняла, что очень проголодалась. Последние дни питалась находку пирожками и бутербродами. Подписала обходной, сдав книги в библиотеку, чтобы за ней не было никаких долгов. И третий курс архитектурного техникума Надя Плотникова

закончила отлично. Удивилась своим способностям. А ведь училась в сельской школе не очень успешно, ходила всю свою жизнь по родным улочкам сельца Трусово, но самостоятельно поехала в Барнаул, чтобы подать документы в техникум и научиться строить удобные дома. Получив летнюю стипендию, составила список подарков. Хотела купить себе скромный маникюрный набор, но раздумала. Обойдусь? Вполне. Ведь обходилась. Красивой никогда себя не считала, а вот заметила, что лицо и фигура у неё изменились. Эти изменения украсили её, сделав лицо привлекательным, а отдельные части тела стали округлыми и выпуклыми. Иногда ей кажется, что отражение в зеркале не её, а какой-то девушки, которая лишь походит на неё.

На последние рублишки купила билет в общий вагон. В банке с кильками свободы больше. Там рыбки лежат, а в вагоне пассажиры стояли, сидели, а только счастливики — лежали. С верхней полки ей кто-то махнул, взял сумку и подсказал, как лезть под самую вагонную крышу. Она ещё никогда не ездила на такой высоте. Надя занималась в спортивной секции. Ловко вскарабкалась зачем-то, на багажную полку, хотела протереть пыльное ложе, но не успела. Почти все фонари в вагоне, моргнув, дружно погасли. А что ей оставалось делать? В темноте обычно старалась спать.

Проснулась от запаха еды. На дне вагона ужинали. В поездах можно завтракать и обедать в любое время дня или ночи. Сосед на противоположной полке спал. Она рассмотрела его, когда в вагон проникло много света от прожектора. Молодой человек в спящем состоянии оказался милым. Ей еще никогда не нравились особи мужского вида. Под её тёплыми взглядами спутник медленно реанимировался. Стал нахально

изучать её лицо. Так они общались два перегона и остановку. Чем-то она поняла, что понравилась этому незнакомому типу, находившемуся в горизонтальном положении почти рядом с ней.

— А давайте, и мы перекусим, — предложил тип, расстегивая толстенный портфель. — У меня блинчики с мясом, колбаса с чесноком, брынза из молока. Начнём с колбасы и блинов...

— Нет. Я не привыкла, есть лёжа. И вообще, что вам от меня надо? Заманили на эту... полку, а теперь хотите насильно кормить? — спохватившись, добавила мягче и нежнее: — Что-то не хочется. У меня были ватрушки и пирожное, но, наверное, всё измялось. Хотите мятые ватрушки? — солгала Надя и удивилась своей смелости.

Тут поезд сбавил ход движения. Свет фонарей принялся влетать в окна. Она рассмотрела его коварные глаза. Они нагло целовали её. Надя дружила с пацаном в девятом классе. На Новый год, когда танцевали в клубе, он, не спрашивая, поцеловал её щёку. Она испугалась и хотела плакать, ведь девчонки говорили, что даже от пацанов беременеют, не говоря о взрослых парнях. Никогда никому не разрешала к себе прикасаться.

— Давайте съедим вашу ватрушку с моими ломтиками колбасы.

— Это вредно, — сказала Надя. — Я читала, что колбаса с ватрушкой — сплошной холестерин, что принесёт вашему здоровью вред, а про моё — и говорить нечего, так как лежачий желудок не переварит пищу. Тем более, эти продукты несовместимы.

— Тогда отменим ужин и заодно завтрак. Проведём конкурс. Вы любите конкурсы? Соревнования?

Это здорово. ...Поздравляю вас и вашу команду волейбольную с победами. Было бы нас тут трое, получилось соревнование, а участников мало. Вам и отдуваться. Викторина называется... Ответите правильно, получите приз. А если ошибётесь — штраф.

Попутчик быстро рассказал о викторине, о том, что её ждёт, если она проиграет или победит. Надя была уверена, что выиграет, ведь в деревне не было другой такой коллекции по огромному количеству фантиков. Она знала всё о конфетных фабриках, даже искала литературу об истории конфет.

Ей захотелось победить, а знаний у неё было предостаточно. «Почти зачёт, — подумала Надя Плотникова из деревни Трусово. Она не предполагала, что попутчик знал, что выиграет. Его коварство и хитрость недооценила.

Надя осторожно ела протянутую конфету, задумывалась, отвечала. Он протягивал ей фантик. Она с трудом читала название, и огорчалась... в который раз. Конфеты были свежими, вкусными. Надя никогда не пробовала таких. Даже не могла предположить, что в природе существуют конфеты незнакомого ей вкуса. Стучали колёса. Храпели пассажиры. А её долг всё рос и рос.

Прошло двадцать, а потом и тридцать лет. Они не встретились. Если удаётся, Надя покупает детям конфеты. Пробует и огорчается. Таких конфет, какие она дегустировала в полутёмном вагоне, не встречается. Если и совпадают названия, то вкус совсем другой. Она удивляется. Те были великолепными. А эти не такие, хотя и вкусные. Наденька закончила техникум. Поступила в институт. Надеялась, что когда-нибудь встретит того паренька и вернёт долг.

Незнакомец тогда помог ей. Вынес сумку. Они стояли у вагона. Молодой человек оказался не наглым, не стал требовать долг. А может быть, забыл. Она-то помнила. Надя решилась. «Хоть часть долга верну», — подумала, целуя незнакомца сладкими губами. Тогда он обнял её. Заскрипел вагон своим нутром. Вдобавок принялся возвращать ей её же долг. Так нельзя! Она не успевала. Уговор, есть уговор. Ему нужно было остаться, чтобы получить все проигранные баллы.

— Отдай долг кому-нибудь, кого полюбишь на всю жизнь, — сказал коварный искуситель и вцепился в поручень вагона, будто хотел удержать поезд.

Много лет Надя живет со своим долгом. Он иногда терзает её. Она не любит быть должной. А тут такой случай.

Растут дети. Житейские проблемы накатывают одна за одной. Тайком, чтобы не видели взрослые дочери и внуки, вынимает коллекцию, выбирает те фантики, которые складывала в карман синего плаща, чтобы не оставлять на полке сор. Разглаживает их, нюхает и читает названия. Глаза её смотрят очень далеко. Морщинки на милом лице исчезают. Надежда Павловна превращается в ту милую девочку, не успевшую отдать долг.

ЗА МОЛОКОМ

Пригородный поезд Барнаул-Рубцовка шёл неторопливо. Сосредоточенно постукивали под вагонным полом колёса. В теле старого вагона поскрипывали больные суставы, что-то дребезжало на крыше. Мой

попутчик напористо вглядывался в полутёмные поля за окном.

— Не видно огоньков, — откинулся спиной к стене. — Под Новый год всегда идёт снег.

Мы разговорились. Николай спешит из командировки, везёт жене и дочке городские подарки. Мы знали, что праздник придётся встречать в этом вагоне. Не мешкая, выложили на газету буфетные пирожки, открыли консервные банки и нарезали куски колбасы. Встречать Новый год не очень весело в поезде, но если ты не один, а с интересным попутчиком, то неудобства вагонного уюта немного сглаживаются. Монотонный надоедливый колёсный стук после второй порции не кажется неприятным и бестолковым.

Мчался наш поезд. Мелькали редкие станции. Входили и выходили, возбуждённые, приближающимся праздником, пассажиры. Мы сидели друг перед другом за узким столиком и делились запомнившимися событиями из недолгой жизни. Ведь только спутнику можно рассказать заветное, так как никогда с ним уже не встретишься.

— Хочу предложить один случай. — Николай налил минеральной воды в вагонный стакан и медленно выпил, как предписывают врачи по внутренним органам. — Лет десять назад я работал на «скорой». Выпало нашей бригаде дежурить в такой вот праздник. Есть любители отдыхать вне дома, так как суета и колгота не дают прочно почувствовать атмосферу радости. Я люблю готовиться к празднику. Предвкушение события — это праздник. В новогоднюю ночь люди стараются не болеть. Это замечено не мной. Как болеть, если с детства мы приучены, что с боем курантов к нам приходит заветное счастье, мы верим, что с нового года добавят

зарплату, снизят расценки за услуги. В реальной жизни нашей деревни на краю Алтайского края никаких изменений в лучшую сторону не происходило. Чтобы эта реальность не была чересчур пресной и невкусной, стараемся делать друг другу подарки.

Слушая попутчика, который вдруг принялся уходить от главного направления. Чтобы потянуть нить выступления в нужное русло, осмелился налить вина в поездные стаканы, в которых нам принесли вполне приличный чай. Его выпили пару часов назад, как только бросили портфели под сидения. Праздничный Барнаул ещё долго заглядывал в окно своими огнями, а мы думали о родных. Конечно, они не забудут нас, и поднимут фужер за тех, кто едет домой. Вот и мы, коснувшись стаканами, подумали о родных, что нас ждут.

— Перед ужином пришла дежурная сестра из детского отделения, — продолжал спутник. — И говорит, значит, что нужно молока, чтобы накормить близнецов, которых утром перевели из родильного отделения. Могли бы, и домой выписывать, но что-то врачу показалось не совсем стабильным. У мамыши молоко пропало. Явление не редкое, но в другое время и незаметное. Перед праздником в больнице — тишина и покой. Кто в самоволку отправился, кто выписался подчистую. Накормить детей некому. Роженицы со своими крошками — дома. Дала медсестра Вовке Лисицыну флакончик под молочко и адреса бывших наших постоялиц. Просит быстрее добыть нужный продукт кормления близнецов. Понятно, дети тоже хотят праздник встретить. Голубой огонёк им не нужен, а вот чего-нибудь пососать из бутылочки — другое дело.

Ночь тёплая. Снежинки, как мотыльки, на стекло шмякаются. Из окон свет ёлочных огоньков брызжет на

сугробы палисадников. Остановился в ближнем переулке. Стучит Вова. Тихо. Никто не открывает, но музыка слышна. Дёрнул я дверь, и вхожу. Крючок взбрякал. Ждать нам некогда. Выходит паренёк в синей майке. Поздоровались быстро.

— Мы из больницы, Нам бы молока, — подаёт Вовчик бутылёк. Парень спокойно берёт, ставит на стол, достал из холодильника двухлитровую банку с белым напитком...

— Есть кипячёное, — суетится хозяин.

— Нет, — машет рукой Вова. — Нам это... нужно женского молока. Покормить некому близнецов. Все выписались мамыши.

Смотрю на фельдшера, давлюсь смехом. Стоят парни, и друг на друга смотрят. Слышно, как ресницы стучат.

— У нас в детском отделении дети голодные. У матери нет молока в нужном объёме, — начинает вновь пояснять Володя. — Все уже родили, кому кого надо и уехали. А молока нет.

Паренёк сообразил. Поставил банку. Конфузливо вытирает лоб.

— Откуда. Сами начали прикармливать.

Тут вышла хозяйка. Из себя небольшая, как школьница, а глаза добрые и радостные. К столу зовёт свои сковородки, кастрюльки начала откупоривать. Мальчишка в холодильнике шарится. А мы — к двери. Извините, говорим, дети у нас. Они огорчатся начали вдвоём. Мы поздравляем с Новым годом. На Снегурочку Вова не походит, но у меня тогда борода отрастала.

Едем дальше. Останавливаемся у большого дома. Тютюкины. Кто их не знает. Собаки цепи рвут от негодования, как пролетариат. Заходим. Веселье до потолка

в самой кухне. Тут ребёнку рады. Малыши не реагируют на подобные демонстрации. Вырубили магнитофон. Нас за руки, и волокут волоком к столу. Отыскал я глазами хозяйку, махнул. Вова взялся заученно объяснять:

— В детском отделении молока нет, а малыши голодные — двое, кормить их пора, но никто не может.

Народ весёлый покатывается по стульям и лавкам.

— Погодите, — просит хозяйка. — Дело-то важное.

— Нечего годить, — вывернулась вперёд бабушка-калабушка. — У нас ребёнок высасывает. Не вздумай, Райка.

— Мама, там дети, — берёт флакон рыжая Рая...

Мужик её на нас животом, как взаправдишный сумоист, наступает, будто бы он должен молоко произвести. Вот думаю, дунуть бы тебе промеж рогов, чтобы понимал ситуацию. Народ начал на нас незлобно, но пристально смотреть. За стол не волокут, а наоборот — Райку задвинули куда-то. Пузырёк наш Вова толкнули в белый халат.

— Я его хорошо знаю. — Ворчит Лисицын, бумажку вертит с адресами.

Подъехали к двухэтажному дому, определились с квартирой. Встречает нас вообще знакомый мужчина, на инкубаторе цыплят выпаривает. Да я его часто вижу в библиотеке. Жуть, как быстро книжки читает. Я одну за две смены с трудом одолеваю, а он за сутки «Идиота» перелистывает. Вова за своё:

— У нас детское отделение без молока осталось. Все уехали, а детей некому теперь кормить. Поэтому ваш адрес нам дала медсестра Примакова.

Иван тащит нас в квартиру. Зовёт жену и ржёт.

— Надя, к тебе дояры приехали с ведром. Молока просят литров пять, — закатывается мужчина, как ненормальный. Приходит жена хозяина и, молча, берёт бутылочку. Хозяин открывает шампанское, расставляет фужеры. Один вдруг убрал: — Коля, ты рулевой, как наша партия. Медслужба должна поднять фужер, а то молоко не отдадим.

Вова принял вино, грибом закусил маринованным. А тут и Надежда наша вышла с виноватым лицом. Молока немного. Только дно скрыло.

— Недавно кормила. Через три часа приезжайте.

Извинились, как водится. Поздравили с праздником. Переругиваемся, но дальше едем. Вот новый адрес. Дом с мезонином. Гараж и сараи, рубленные из кругляка. Теплица блещет из мрака окнами стеклянными.

— Кто? — раздаётся неласковый голос у ворот.

— Из больницы, — объясняет Лисицын фельдшер уверенно.

— Молока нет, — говорит суровый голос, — Ничем не можем помочь. ...Спит жена. Устала.

— Заходите, — слышим из сеней. — Позвонила медсестра. Быстро...

Мужчина смотрит на нас волчьим взглядом. Не моргает красными веками. Гляди, гляди, — думаю, — лишь бы молоко было. Стоим, переминаемся. Вышла через положенное время и подаёт бутылочку.

— Хватит ли? На ночь? Двое — не один. Если не хватит, то приезжайте.

Благодарим мы их. Руку тискаем мужчине, словно он тут главный в нашем деле. Тот всё ворчит, но не очень зло и почти виновато.

К машине торопимся со всех ног. История могла бы, и кончиться на этом месте, но не вышло, так как мы хотели. Вова с бокала слегка опьянел, у него расслабла координация движенья рук. Задел карманом с бутылочкой о дверку. ...Как его приспособило? Бутылочка вроде как из прочного стекла была, но дверка оказалась прочнее.

— Пошли, — говорю, — обратно, дети ждут.

Вове совестно. Не хочет объяснять, что такой полоротый, и кокнул молоко детское, лишив близнецов ужина.

— Где опять столько надоит? — вопрошает Владимир и колотит себя по лбу. Осколки из мокрого халата на дорогу уже высыпал. Корит себя медицинскими терминами, называя то диспепсией кошачьей, то диарей тараканьей.

— Из двора во двор мечемся, как скипидаром на-стимулированные. Везде нас тащат за стол, рукава у шубы оторвали напрочь. Обижаются, если быстро отк-зываемся...

Наполнил я вагонные стаканы. Как раз проехали разъезд «Победим». Выпили за тех, кто на посту. Николай Иванович оказался запасником, а служил на чукотской заставе, на самом скалистом берегу Тихого океана. Пробежала проводница с флажками сигнальными на поясе. В век электроники живём, а ничего надёжнее не придумали. На кораблях тоже флаги развешивают, чтобы знали, что за праздник на судне.

— Предлагают всего, но молока нет. Одна заболела, другая с малым ребёнком уехала в гости. Коньяк есть — молока нет. Бабулька одна сказала, что живёт какая-то приезжая дева с дитём, а о муже ничего не говорит. Получили мы адрес. Поехали на Оторвановку.

Так у нас длинную улицу называют, что у самого бора проходит.

Калитки нет, плетень упал, но дорожка расчищена. Стучим и входим. Сидит перед столом настоящая дева с длинной белой до пола косой и распашонку цветными нитками расшивает. Стоим и смотрим на это чудо. Комнатка одна, но светлая и чистая. На столе в кувшине ветка сосновая. Глаз не можем отвести от хозяйки. Одета не так, как наши девки одеваются. Может, к празднику принарядилась. Кофта расшита узорами разными. Носки тоже в каком-то орнаменте весёлом. Поздравили мы девушку с праздником. Она заботливо вспыхнула зелёными глазами, а у меня сердце заторкалось, как у больного аритмией.

— Все выписались у нас в больнице, а детей накормить надо, — принялся Вова пояснять, но не может правильно высказаться. То ли сказалось сельское гостеприимство, то ли обворожительные пухлые губы сбивают с толку. Кое-как у него получилось внятная речь. Я — молчу, как будто во рту горячий пельмень. Видел разных девушек и женщин. И симпатичных, и очень, очень распрекрасных. А эта — не сказать, что броская, а наоборот. Но глаза как рентген прошивают, как проникающая радиация. Ты её не видишь, а она тебя уже изрешетила излучениями — от альфы до гаммы.

Вова руками разводит, словно плывёт по озеру. Поясняет, что у нас тары под молоко нет. Девочка взяла из шкафчика, сдвинув занавеску с узорчатыми дырочками, банку литровую и пошла в тень, расшнуровывая, на ходу кофточку. Села спиной к нам перед низким столиком у кровати. Слышно, как что-то в печи ненавязчиво щёлкает и струйка о стекло шуршит.

Подала нам почти полную банку и крышкой накрыла белой. Что-то Вовик говорит, а я вижу, что в глазах у неё такая ядовитая тоска, что у меня прямо внутри что-то заглодало. Понимаю, что вот уйдём мы, а ей будет тяжело. Стой, не стой, а жарко, и ехать нужно.

Привезли молоко, а тех малышнят уже накормили. Нашли кого-то, кто смог молочком поделиться. У меня с той поры занозой сидит эта незнакомая девушка с распашонкой. Какая-то смертная печаль сосёт сердце. Глаза ночью закрою, вижу её во всех подробностях.

— Не встречались больше? — неожиданно вагон дёрнулся, будто в судороге, потом ещё раз и начал набирать скорость.

— Уехала весной.

— Искать не пытались?

— Зачем? Думаю, о ней и даже разговариваю. Семья у меня и дети в школу ходят. — Лицо Николая Ивановича стало осветляться тихой радостью и мне показалось, что оно помолодело.

Возник в вагоне яркий свет и пассажиры задвигались, добывая из ящичков свои узлы и чемоданы. Мы допили вино и тоже заспешили готовить себя к выходу.

НА ПАРХОДЕ МУЗЫКА ЗВУЧАЛА

Галина Алексеевна Алексеева раскатывала магазинное тесто, а внучка упорно рисовала кривостенный домик.

— Бабушка, у тебя на носу мука прилепилась, — весело проговорила пятилетняя Раечка, — давай вытру.

Женщина подошла к зеркалу над мойкой, улыбнулась не старому миловидному отражению — серые

строгие глаза, ровный овал лица, чуть курносый носик и вполне девичьи губы. «Сколько мужчин целовали их? Можно пересчитать по пальцам одной руки. А он её так и не поцеловал. Давно это было. Помнятся мельчайшие подробности её самостоятельной поездки к старшему брату в Томск.

Зелёный, качающийся на больших волнах дебаркадер на реке Томь. Пароходы гудели, как паровозы. Шлёпали по воде колёсами. Выпускали пар. Теплоходов мало. Ей — шестнадцать. Ситцевое платье. Выгоревшие волосы стянуты на затылке резинкой от велосипедной камеры брата. В руке чемоданчик, называемый балеткой».

Галя встала в небольшую очередь у кассы за женщиной. Через некоторое время подошел мальчишка в черной вельветовой куртке с блестящими замками «молниями» на груди. Женщина ушла. «Его мама, — догадалась умная Галя. — Они не местные, но куда им нужно? Хорошо бы по пути. Решилась заговорить.

— Сколько времени идёт пароход до Колпашево? — спросила, хотя прекрасно знала, так как жила рядом в посёлочке со странным названием Тогур. (Это потом Виль Владимирович Липатов, некоторое время работавший в колпашевской газете «Красный Север», уедет в Москву, напишет удивительные романы об Анискине, инженере Прончатове, журналисте Кетском. Участковый Анискин — это тогурский милиционер, которого Галя сто раз видела. Он даже доводился матери дальней родней. Журналист «Красного Севера», а потом собкор областной газеты «Красное знамя» Пётр Колотовкин, обладавший великолепным голосом, запоёт однажды в кино «Щит и меч» «С чего начинается

родина...» от нахлынувших чувств, и его выведут из зала, получит фамилию Кетской. Кеть — это река).

...Он ничегошеньки не знал, потому что впервые оказался в Томске. Гале очень хотелось познакомиться с застенчивым мальчиком, решившим, что жизнь в городе скучна и пресна, поэтому нужно жить в тайге, среди природы и настоящих охотников и рыбаков, каким был литературный герой Фенимора Купера, Зверобой.

— Бабушка, а ты летала в Америку? — спросила Рая.

— Не довелось. Летали в Германию. А последние года всё по местным линиям: Хабаровск, Ленинград, Улан-Удэ.

— А мама в Африке была и в Италии. Я вырасту и стану стюардессой. Научи меня говорить по-американски.

— Такого языка нет, моя хорошая. Есть английский.

— Так это в Англии. В Италии говорят на итальянском языке, а в Америке — на американском.

Галя купила билет в четвертый класс. Ей пришлось спуститься в просторный зал, в котором плацкартные полки и круглые окна. Её глаза сразу привыкли к полумраку. Увидела его. Он сидел с мамой. В соседнем отделении расположились парни с бутылками пива. Галя решила познакомиться с его мамой. Женщина не краснела и не стеснялась.

Виталий принёс в термосе кипяток. Нина Трофимовна Костина достала варёные яйца, копчёную колбасу, банку варенья и конфеты. Галя положила на столик пироги с ливером, ватрушки с творогом, кото-

рые пекла перед отъездом. Умела не только вышивать, но и ловить рыбу удочкой и сетями. Она всегда помогала папе. За обедом разговаривала мало, есть ей не хотелось, но понимала, что общая еда должна сблизить их и познакомить. Его мама занималась рукодельем. Галя рассказала, что недавно получила пакет с цветными рисунками для вышивания салфеток и скатертей.

Галя повела попутчика осматривать пароход, но делала это так, что инициатива как бы исходила от него. Знала, как попасть в салон первого класса, где находится отделение с паровой машиной. Подходила к нужной двери, останавливалась, делая вид, что поправляет ремешок на платье или на босоножке. Виталий открывал дверь и приглашал. Оказался внимательным и заботливым. ...Когда смотрели на большую красную луну, катившуюся медным тазом по берегу, укутал её пиджаком. Не противилась, хотя не было холодно. Виталик даже приобнял её. Галя замерла, ощущая его сильные руки. Он окончил десять классов, а она — восемь. Медная луна, не отставая, настырно катилась за пароходом. Звенели на минигитарах редкие комары. Было волнительно и тепло рядом с ним.

Они перестали смотреть на проходившие катера и баржи, украшенные фонарями и фонариками, сели в плетёное кресло и прижались друг к другу. Кресло большое, а Галя невысокая, но крепкая и сильная. Умела бегать на лыжах, выступала на соревнованиях за школу.

Насмелившись, Галя резко бросила ему руки на шею. Она забыла, совсем забыла, что он рассказывал о секции вольной борьбы, куда ходил три года. Виталик ловко ушел от захвата. Не имел представления о том, что захваты могут быть разными. Могут называться

просто объятиями. Если бы Галя проделала свои движения плавно, тогда бы её губы не поцеловали пустоту. Она обиделась, а ещё ей было очень стыдно за свой порыв. Они поняли свои ошибки. Он захотел исправиться. Но Галя из гордости не разрешила ему приблизить лицо. Она несколько раз освобождалась от его мягких, но желанных объятий.

Надо было поддаться, думала Галина, спустя много лет. Не хотел её обидеть. Всё получилось так быстро и машинально. Сработал рефлекс, выработанный в секции. Обиделась, считая гордецом и городским пижоном. Эта обида еще долго сосала её доброе сердце. Ушла от него и спряталась, чтобы как-то свыкнуться с тем, что случилось. Виталий пытался исправить выходку, но Галя была сильна и не поддавалась, когда попытался крепко обнять её. Он не умел удерживать голову, потому что ещё никого и никогда не обнимал, и боялся сделать ей больно. А Галя, смеясь, легко освобождалась от его рук, подставляла подбородок или щеку. Она почти сдалась, но он так и не нашел её губы, хотя очень старался, повторяя попытку за попыткой. Обида прошла, но не вся. Частичка где-то осталась, и помимо её желания, выскакивала не в нужный момент.

Виталий искал её по всему пароходу. Она спряталась за шлюпкой и смотрела на сверкающие спины волн. О чем тогда думала? Разве могла предполагать, что всё изменится в её жизни после той встречи.

Он пришел поздно. Его мама спала, а Галя лежала, постелив плащ на жесткую полку. Долго разговаривали. Галя простила его, он извинился и сознался, что не умеет правильно целовать девушек. Она могла бы научить его, но раздумала, боясь показаться навязчи-

вой и развязной. У неё не было большого опыта, но старшая сестра подруги, рассказавшая и показавшая, какими бывают поцелуи, похвалила её и посетовала: «Как я, Галина, завидую тому пареньку, которого ты станешь целовать вот так, как сейчас».

...Детство, детство. Глупа была и наивна. Теперь-то что тужить об ушедших годах? Пронеслись они, набрали высоту и пошли на посадку. Сколько метров осталось до полной остановки. Катится еще самолетик жизни. Никто не знает когда остановятся турбины.

— Бабушка, а Боинг больше ТУ-154?

— Больше. Намного. ...Нет, не пришлось полетать, но видела в Гамбурге, даже входила в один салон. Дальше нас не пустили.

Из пароходного радио доносились песни. Чаще других пускали пластинку о девчонках, которые танцуют на палубе, о том, что провожают пароходы совсем не так как поезда и о речке Бирюсе. Чем ближе подходил пароход к её пристани, тем больше портилось настроение. Галя каким-то своим чувством понимала, что не встретятся никогда. Это время останется в памяти подарком. Она успокаивала себя тем, что впереди много лет, а еще больше встреч. Сегодня произошло просто очередное знакомство. Скоро оно забудется. Ведь им так мало лет, чтобы планировать что-то основательное, вечное, всё ещё может измениться сто раз. Таких пареньков ей предстоит встретить много. Они будут более умелыми и умными, красивыми и настойчивыми. «Где он сейчас? Пялится на паровую машину, заморожено оглаживает глазами шатуны и пол-

зуны. Пусть катится, куда хочет. Не стану бегать за ним, как собачка. Никогда!»

Виталий Костин и его невесёлая мама поселились в соседнем районе. Писал редко. Галя отвечала сразу, не откладывая процесс беседы на бумаге на неопределённое время. Она давно приготовила свой крохотный фотопортретик, а он не просил прислать фотку. На зимние каникулы Галя решила съездить к нему. Сказала маме, что нужно повидаться с противным мальчишкой, который редко присылает письма. Мама серьёзно отнеслась к её планам. Рассказала, что три дня нелётная погода, на аэропорту много пассажиров ждут своей очереди. Она может улететь, но опоздает в школу, а третья четверть самая ответственная. Подруги отговаривала от глупости, потому, что девушки не должны быть навязчивыми и липучими. Галя не соглашалась, приводила доводы, но от поездки отказалась.

Почти год не присылал открытки с поздравлениями к восьмому марта и дню рождения. Галя переживала — не случилось чего плохого, ведь работа в леспромхозе не из простых, случаются аварии, когда люди получают травмы. Она не хотела быть назойливой, но как-то само получалось, что постоянно думалось о нём.

И всё же он ответил. Оказалось, что учится в строительном институте. Поняла, что Виталий забыл о своём обещании снять фильм о реке и о ней. Он писал, что готовится поступать в Ленинградский кинематографический институт, а тут случился такой поворот. Скорей всего, не сдал экзамены, не прошел конкурс. Она хотела быстрее вырасти. Окончив десятый класс,

собралась к брату в гости, утаив от родителей своих намерений поступать в институт.

Она сдала свои экзамены, но Виталика не встретила. Ходила по кабинетам и спрашивала о нём. Оказалось, что его призвали в армию. Он должен был ей написать. Не мог не сообщить об изменениях. Может быть, на почте потеряли письма, а если это подруга ворует. На почте сказали, что письма из воинской части на её адрес приходили еще в прошлом году. Почтальонка клялась, — письма приносила. Говорила, что нельзя не заметить на конверте синий треугольный штамп, а также рисунки цветной тушью парохода, речного обрыва и сосны, около которой стояли мальчик и девочка. Она попросила почтальонку письма вручать ей лично. Писем больше не приходило.

Мама говорила о том, что не стоит переживать. «Если бы уважал тебя, обязательно написал. А не пишет, значит, не считает нужным знать с тобой и продолжать переписку. Он вырос. Ты выросла. Вон сколько хороших ребят. Только свистни, прибегут?» «Мама, ты права. Но зачем мне свистеть? Я не умею».

Галя узнала адрес от мамы Виталика, написала несколько писем, в том числе — командиру части, замполиту, но ответов не получила. Она решила стать стюардессой, ведь Виталий служит в десантных войсках, летает на самолётах.

Она будет летать. Её отговаривали, убеждали, что стюардессами становятся только городские девушки, знающие языки. Галя заторопилась к своей цели. Она выросла из того подростка, превратившись в миленькую девушку с загадочными строгими серыми глазами. Сначала одолела английский, потом и немецкий.

Приобрела Галя непростые навыки бортпроводницы не сразу, но постепенно втянулась в ритм высотной работы. Организм долго привыкал к частой смене часовых поясов. Однажды возникла попытка захвата воздушного судна. Галя с подругой Татьяной знали о сибирячке Наде Курченко, погибшей на посту, но не думали о каком-то героизме, просто выполняли инструкции, не допуская угонщика к пилотской кабине. Граната у него оказалась учебной, а нож — настоящим. Сопровождающий придремал, но им помогли пассажиры. Девушкам крепко досталось, но раны оказались не опасными.

Стюардесс лечили в военном госпитале. Раны заживали быстро. Уход и обслуживание были на высоком медицинском уровне, а выздоравливающие офицеры оказывали такое ненавязчивое внимание очаровательным героиням, что дыхание захватывало от комплиментов и восторгов. Таня сказала одному лётчику, который бахвалился своими связями, чтобы похлопал о телевизоре. Телевизоры были, но не в каждой палате работали.

Однажды ночью показывали киноработы студентов ВГИКА. Это были искренние ленты, хотя немного нарочитые и затянутые. Вдруг Галя увидела колёсный пароход, по палубам которого бродят парень и девушка. Звучит музыка Александры Пахмутовой. Большая красная луна. Знакомая река. Огни бакенов. Расцвеченные, как новогодние ёлки, проплывали самоходки и теплоходы. Это был её сон. Он снился Гале часто. Краны, плоты, тогурский рейд, дебаркадер в городке. Двое смотрят друг на друга и не могут насмотреться.

-Галина, девочка-то походит на тебя. Не ты ли снималась? Чего ты плачешь? Что болит? — удивилась Татьяна, подбегая к подруге.

— Это его фильм. Он обещал. Давно. Мне было тогда пятнадцать, а ему семнадцать.

— Найдём его. Капитан — мужик слова. Ты только напиши номер воинской части, где служил. Он найдёт. Он из особых войск. Ему не откажут.

Через два дня капитан сказал, что видеосюжет снял Аркадий Кулик, а вот с розыском младшего сержанта Костина пока тихо. «Часть расформирована после каких-то событий, но, похоже, десантники были в «горячих точках», — сказал невесело капитан. — Не волнуйся. Найдётся твой Костин. Обещаю. Как что-то станет известно, позвоню. Телефон знаю. Танюша написала».

Галя Алексеева долго думала над видеосюжетом. Его мог снять только тот человек, который вырос в Колпашево. Это его родина. Он помнит свою школу, свою реку и ту девушку, с которой когда-то дружил. Но фамилии Кулик никогда не встречала. Хотела дать объявление в газету, но передумала. Зачем?

После госпиталя дали отпуск. Она решила, что нужно непременно узнать хоть что-то о Виталии. Машины доводы о том, что девушки не должны быть навязчивыми, отмела, как пустые предрассудки из сводов Домостроя.

Приготовившись к неожиданностям, погладила форму, хотела привинтить орден Красной звезды, но раздумала — ткань лёгкая, а орден — тяжёлым. Орденской планки не было. Она вспомнила, как её встретили лётчики и руководство авиаотряда.

Короткий перелёт на АН-2. Дошчатые тротуары, брусовые дома. Она быстро отыскала нужную улицу. Девочки с белыми бантами и скромными букетами важно спешили в школу. Люди оглядывали изящную стюардессу, гадая, чья дочь, к кому приехала погостить. Её сердце стучало так громко, что казалось этот волнующий стук, слышат прохожие. Алексеева остановилась, чтобы унять своё доброе сердце. Поправила сумку на плече. Открыла скрипнувшую калитку. Во дворе увидела кучу гниющих горбылей, проломленный облас и разваленную поленницу чёрных дров. Перекошенная летняя кухонька смотрела на вошедшую узким оконцем с разбитым стеклом. Девушка торопливо постучала в дверь старого щитового дома. Прислушавшись, уловила странные звуки. Вошла. Мерзкий запах чуть не сбил её с ног. Она сдерживала себя, чтобы не выбежать. Из комнатки выкатилась коляска. Одутловатый желтолицый мужчина небрит. Засаленная полосатая пижама. Короткие брюки давно не стираны.

— Виталий Костин здесь живет, — спросила Галя, глядя в жёлтое лицо.

— Виталя, — оскалился в кривогубой гримасе мужчина. — Виталя хочет кушать. Виталя лубит кофеты, — человек плохо выговаривал слова. Она попятилась от наезжающей коляски. Поскользнулась.

— Я — Галя. Ты помнишь меня? На пароходе ...

Он вдруг встал. Его лицо, искажённое болью, стало ещё страшней. Рубцы шрамов покраснели. Сделав шаг, грохнулся на грязный пол. Он бился, извиваясь, как рыба, выброшенная на берег, издавая вопли и стоны. Галя хотела выскочить, но не успела. Вошла седая и неопрятная Нина Трофимовна с ведром воды. Вдвоём они перенесли тяжелое тело на кровать. Разма-

зывая кровь по лицу, мужчина бормотал что-то жуткое и бессвязное.

— Я вам писала, что не следует приезжать. ...Что случилось? ...Сообщили, что сорвался откуда-то во время тренировки. Врач наш сказал, что его оперировали после ранений осколками гранаты. Он теперь как ребёнок. Ест всё подряд. Сердобольные соседи приносят водку, когда я на работе. Хлеб прячу. Найдёт, съест две булки враз. Галя, нельзя жить прошлым. Он долго вас помнил. Просил писать письма. Почти ничего не видит и плохо слышит. Долго обманывала его. Уже забыл вас.

Мужчина на кровати принялся вставать, цепляясь за коврик.

— Его нужно срочно привязать, испуганно проговорила женщина. — Начнёт всё крушить.

— Мама, это моя Галя пришла. Это она. Я чувствую. Пусти меня, — хрипя и дёргаясь, говорил по слогам Виталий. — Га-ля, я луб-лу ти-бя.

— Бабушка, тебе лук в глазки попал? — щебетала Раечка, видя, как бабушка приложила к глазам полотенце.

— Нет. Не лук.

ТАКИЕ ДЕЛА

Каждый палисадник на нашей улице Октябрьской приобрёл свой особенный цвет, так как листья тополя окрасились в желтые тона, а листья клёнов — в красноватые. Остатки цветов не играют праздничными красками, лишь мальвы за редкими оградами сигналият

как светофоры на длинных стеблях розовыми, белыми, красными и бордовыми фонариками. Промелькнуло бабье лето, зарядили дожди — хмурые, надоедливые, ленивые. Они застелили проезжую часть улицы лужами, сбили с веток почернелые листья, заставили потемнеть тесовые ворота, заборы и прочие ограды. Покрыли стены белёных домов оттенками плесени, а яркие расписные наличники, словно выцвели, став тусклыми и хмурыми. Высокие креозотовые столбы на железобетонных ногах, шагающие вдоль левой стороны улицы, кажется, согнулись под невероятной тяжестью проводов, стонут и кряхтят, словно жалуются на свою судьбину.

Лохмотья дымных облаков, приплывших со стороны бора, натолкнулись на пики антенн, на рогатые вершины тополей, повисли над улицей грязными комьями. Утки и гуси с шумом плещутся в лужах, ломая отражения клубящихся низких туч.

Из переулка в улицу неспешно вкатилась телега. Желтая солома, на которой сидит понуренная фигура возницы в зимней шапке и штопаной телогрейке, казалось, отбрасывает под колёса мягкий цыплячий свет. Лошадь по очереди переставляет ноги, и телега катится, оставляя на мокром песке и шоколадной грязи вилючие ленты следов колёс. Распущенные наушники шапки мужчины раскачиваются, словно крылья вороны, собирающейся взлететь с кучи шлака у недостроенного дома. Лица возчика не видно. Оно сливается с цветом телогрейки, прячется в тени старой шапки. Руки мужчина упрятал подмышки, вожжи придавил коленом — вся его сухонькая фигурка напоминает крючковатый припозднившийся огуречишко.

Вот лошадь вошла в залитый грязью ухаб. Зашлепали копыта, начали отваливаться чёрные ломти с колёс. Фигура человека не пошевелилась, не подобрала вожжи, не подняла головы. Подходя к магазину лошадь, пошла тише, а потом встала, опустив голову. Последний раз качнулись наушники шапки. Возница медленно сполз на землю, покинув телегу, переступил затёкшими короткими ногами, разминаясь, поднёс к своему скучному зеленоватому щетинистому лицу дрожащую ладонь, на которой, как в гнездышке лежала сложенная бумажная денежка, именуемая купюрой. Осторожно передвигая кривоватые ноги в новых кирзовых сапогах, мужчина брёл к крыльцу магазина. У металлической решетки, о которую соскабливают грязь с обуви, замер, посмотрел на осколки разбитой бутылки, тяжело вздохнул. Преодолев последнюю ступеньку, мужчина замер, отдыхая, оглянулся на стоящую лошадь, на двух белых куриц с красными вислыми гребнями и чернильными пятнами на спинах, с заинтересованными появившейся лошадей, от которой может отвалиться корм. Мужчина тронул скучную ручку двери, с которой здороваются все входящие в магазин, потянул дверь к себе, в образовавшуюся щель просунул сначала один сапог, потом втокнул голову и протаскивал остатки тела.

У прилавка мужчина остановился, принялся отсутствующими мутными глазами смотреть на витрину. Он никого не замечал, потому что ему было некогда заниматься пустяками — у него была цель.

— Витёк, что-то ты быстро? — спросил один мужчина, прилаживающий насос к пивной бочке. Вошедший нехорошо скривился, и его плечи поднялись к ушам.

— Что и эту? — удивился второй мужчина, неестественно блестя глазами. В ответ раздалось невнятное бормотание. Продавец — дородная очаровательная блондинка, сошедшая с картины Кустодиева, — приняла деньги, отсчитала сдачу и подала бутылку водки. Вдруг рядом возник мужчина, который занимался добычей пива из пустой бочки.

— Ну и как ты умудрился? — спросил он.

— А вот так, — вздохнул обладатель бутылки, определяя покупку в глубину за полу телогрейки.

— День у тебя сегодня. Две полулитры кобелю под хвост. Поди, ждут на бригаде?

— Ну, — ответил мужчина по имени Витёк, продолжая что-то делать у себя за пазухой. Вдруг раздался стеклянный шлепок, и в магазине запахло спиртным напитком. Мужчина нагнулся — у прилавка в прозрачной лужице лежали осколки. Он медленно выпрямился, вытянул воздух носом и тяжело выдохнул ртом.

— Куда же ты суёшь? В телогрейках нет карманов внутри. Никогда не было! — вскричала продавщица, сочувственно размахивая руками.

Мужчина с блестящими умными глазами, молча полез в карман, вынул записную книжку, аккуратно освободил обложку, добыл десять рублей, которые прятал от самого себя.

— Оля, дай ему бутылку. Так и умереть можно с горя. — Сказал, приближаясь к Витьку. Расстегнув остальные пуговицы, осмотрел сиреневую пижаму, потом старенькие латанные солдатские бриджи. — У тебя, что и карманов нет?

— В штормовке сыновней были летом карманы. Стало холодно. Жена велела надеть куфайку. Вот и не стало карманов.

Мужчина вытащил ремень из брюк, подвязал им Витька, проверив, как застегнулась пряжка, определил бутылку за пазуху. Полураскрыв рот, продавец следила за мужчинами. Осчастливленный Витёк, пошел к телеге. Дверь за ним нежно скрипнула, нехотя вытолкнув покупателя на крыльцо. Тугую пружину поставили к зиме.

Когда человек влезал на средство передвижения, ремень, державший полы телогрейки, лопнул и, сверкнув доньшком, бутылка ударилась о металлический обод колеса, разлетелась брызгами и кусками стекла. Возница замер, забыв перенести вторую ногу в телегу. Его круглые маленькие глаза внимательно смотрели на бутылочное горлышко, запечатанное белой фольгой, которую уже никто не будет срывать. Лошадь, почувствовав запах спиртного, стриганула ушами, оттопырив куцый хвост, отхваченный почти под самый корень по случаю изготовления модного дамского шиньона, мягко и смачно зашлёпала на землю. Курицы с чернильными пятнами на спинах метнулись от магазинной завалины под ноги лошади. Мужчина перенёс ногу на солому, оглянулся, желая увидеть свидетелей свершившегося события, но улица по-прежнему оставалась безлюдной. Сорвавшийся с ветки тяжелый последний тополиный лист ударил Витька в согнутую спину и горчичником остался между лопаток.

Тихо катилась телега, стянутые одними проводами столбы, как бурлаки дружно тянули из тумана невидимую баржу. Молодой гусак, решивший показать свою удаль перед гусынями, метнулся к телеге раскрыв в шипении клюв, но выскочившая из-под калитки собачонка, лаем заставила его остановиться и повернуть назад. Вышедшие из магазина мужчины с канистрами,

увидели лопнувший ремень, запечатанное бутылочное горлышко, принялись кричать вслед Витьку, мотая руками и поднимая вверх капроновые канистры — им удалось нацедить пива.

НОЧЬЮ В БЕЛОВО

Ветровы ожидали гостей. Должны были приехать из Барнаула старший сын Игорь, отслуживший в армии и освоивший профессию охранника в новом супермаркете и дочь Вера, окончившая пединститут в Бийске, второй год торгующая в киоске пивом и сникерсами. Работа по специальности была, но зарплата выдавалась с огромными задержками и такая крохотная, что молодому специалисту прожить на неё было невозможно. Брат и сестра снимали сначала комнату у старушки на Потоке, а потом арендовали однокомнатную квартиру в малосемейном общежитии. Ветровы как могли, пытались помогать детям. Засадили картошкой и овощами два огорода, весной купили четырёх поросят, а собственный инкубатор вывел тридцать цыплят, которые уже оперились и требовали внимания и корма. Перестройка, давшая свободу перекупщикам, заставила сельских жителей вплотную и серьёзно заняться приусадебным хозяйством. Летом кролики вполне обходились огородными сорняками, а вот свиньи требовали отрубей или дроблёнки. Корова и телёнок с утра отправлялись в стадо, а к вечеру прибывали в загон делиться молоком. Одной водичкой не напоишь, а нужно что-то положить в поило. Это часть обрата, немного отрубей. Иногда Нина солила коровье блюдо, сыпала горсть-другую жмыха. Нужно думать о

зиме, подыскивая доступное топливо — дрова и уголь. А зарплата стала где-то теряться. По полгода где-то крутилась, давая какому-нибудь «бедолаге» дивиденды.

Вырученные копейки за проданное молоко, Нина складывала в банку из-под грузинского чая. Иван навострился коптить крольчатину, выдeldывать шкурки, а Нина шила шапки и детские шубки. Дочь кое-как доучили, но остановилась она в городе, потому как в деревне работы не стало. Закрылся кирпичный завод, строительно-монтажное управление не работало, но пыталось руководство как-то выжить, распродавая технику и оборудование. Мастерские Сельхозтехники закрывались, растаскивались рамы, растворялись станки, разбирались кирпичные стены. Безработица была тех, кто не знал, куда приложить руки, чем заняться, чтобы прокормить семью и одеть детей, отправляя в школу. В деревнях района положение ещё хуже.. Единственное, куда люди могли устроиться, были колхозы, но они закрывались. Успевшие ухватить технику и лучшие поля, надеялись на крестьянский фарт, умоляя Бога послать дождик, а не град. Новорождённые фермеры залезали в кабалу кредитов, покупали тракторы и комбайны у разорившихся сельхозпредприятий.

Шло время и из трёх тракторов уже не могли собрать один, который бы мог пахать и таскать сеялки. Бросились торговать. У одних это получалось, а другие, получив скромные барыши, начинали шиковать, покупая, что надо, а в основном то без чего можно и обойтись.

И вновь перестроечная разруха легла на плечи женщин. Они стояли на базаре, пытаясь выручить немного денег, которые обесценивались на глазах, чтобы

заплатить за свет, за газ, за телефон и за многое другое. Мужики становились обузой, таща из семьи последний мешок пшеницы, чтобы поменять на самогон. Глава семейства, оставшись без работы, пытался наниматься в сторожа, в сучкорубы к тем, кто удачно покупал право на рубку подгорелого леса. Крошечную зарплату пропивал с расстройства, так как жена приносила с базара немного, но больше. Запив на неделю, замерзал где-нибудь или умирал, отравившись ядовитым водочным суррогатом. Нужна была стабильность, а её не было.

Ветровы не испугались нагрянувшей разрухи. Натуральное хозяйство могло быть временным, могло и затянуться на долгие годы. До пенсии оставалось не так уж и много лет, а прежние льготы постепенно «обшелушивали» с сельской интеллигенции, сидящие в креслах у рулей. Жить стало жутко весело.

Ветровы продавали молоко, масло, творог. Иван выкопал овощехранилище, в котором зимовала не только капуста нескольких сортов, но и редька, свёкла, тыквы, кабачки. Что-то ели сами, чем-то делились с поросятами и кроликами. Научился Иван делать вина из яблочек-полукультурок, смородины и малины. А что не успевал выпить с соседями, то попробовал выгонять через простейший перегонный аппарат. Солому, дрова, уголь нужно купить и привезти. Жидкая валюта на деревне не обесценивалась. Для собственного употребления Иван выгонял такую жидкость, которая тянула на восемьдесят градусов согласно показаниям спиртомера. Конечно, он разводил свой продукт до сорока, используя старое варенье или кипяченую воду. Водку производили из импортной дряни, которую нужно было применять совсем не в пищевой промышленности,

но в погоне за барышами, это ничего не значило. Поэтому люди перестали покупать спиртное в магазинах, боясь нарваться на «палёнку». Такое имя получили суррогаты. Иван не страдал от отсутствия хорошей водки, но расплачивался с теми, кто оказывал услуги прозрачной жидкостью высокого качества и крепости. За это его уважали и всегда шли, как говорится, навстречу.

Иван крутил ручку сепаратора, Нина готовила творог для сыра. Дети приедут помогать, нужно отправить их в город по полной выкладке. В погребе отобранные банки с мёдом, крольчиной тушенкой, солёным и копченым салом, свежим вареньем, маринованными грибами и разными салатами. Дети выросли. Недалек тот день, когда приедут и скажут вот моя невеста или муж. Свадьбу надо изобретать. Где-то искать, занимать деньги на необходимые атрибуты. Нина понемножку откладывала в запас деньги. А Иван при каждом удобном случае покупал гвозди, топоры, фляги под мёд, хотя пасека. Покупал электромоторы к стиральной машине, к пылесосу, запасные части к старым «Жигулям». Не сломается у меня, понадобится соседу. «Деньги копить нельзя», — говорил жене, а она его не слушала, откладывая понемногу, а потом обменивая на новые купюры. Деньги теряли свои мускулы, но это её не трогало. Слово инфляция она недолюбливала, но не боялась. По деревне поползли слухи, что вот-вот наступит финансовый крах. Деньги упадут в цене, покупательская способность дойдёт до последнего предела.

— Папу видела во сне, — сказала Нина. — Надо бы на могилку съездить.

— Что мешает? Поедем. Растрясём твою кубышку. Пока её не накрыл девятый вал.

— Бабы зря не станут говорить.

— Картошку выкопаем и поедем. Дети дома за хозяйством последят. Уже взрослые ребята. Денег много накопила? Надо было соковыжималку взять или пару пылесосов. На свадьбу подарки,

— Да вот, как телёнок привыкнет к Вере. Как корова станет молоко отдавать. Правильно ли станут продавать.

— Когда не разводят молоко или сметану, значит — правильно торгуют.

Через два дня Ветровы купили в Рубцовске билеты на поезд.

Обходительная проводница предлагала своим пассажирам отличный чай и шоколад чужого изготовления, но никто ничего не покупал и не заказывал. Ветровы устроились на своих полках основательно, сразу же развернули постели, предполагая, что простыни, как обычно, влажные, но ошиблись. Комплекты были новыми и почти шелестели от остатков крахмала, хотя вагон обычный спальным. Стоимость оказалась уже не рубль, как это было многие годы. Рубль когда-то равнялся доллару, а поговаривали, что после реформы стоил семьдесят центов. В студенчестве редко позволяли себе такую роскошь, как постельное бельё, но иногда, оказавшись в плацкартном вагоне, брали один комплект на двоих.

Они могли бы получить распределение в городские школы, но попросились в глубинку. Иван был директором, завхозом, истопником в ветхой школе. По понятиям некоторых коллег Ветровы слыли глупыми и недалёкими. У них подрастали дети. Они жили в тесном саманном домике, стоявшем на школьном дворе. Многие однокурсники, отработав положенное, упорх-

нули в города, счастливо и выгодно женились или вышли замуж, трудились на благо родины в аппаратах и солидных организациях. Ветровы не вступали в партию, которая не только чуткий рулевой, но и цементирующая сила, делающая народ и её родную — едиными. Некоторые коллеги из глубинки рвались в райцентр, становясь для этого разными лекторами экономических, комсомольских и других сетей. Нужно показать себя, зарекомендовать не, сколько инициативным и творческим работником, а дисциплинированным и послушным, чтобы войти сначала в резерв, а уж потом стать инструктором райкома партии, возглавить профсоюз или получить креслице в районо.

Ветровы никуда не рвались. Они уважали своих учеников, прививали черты честных и благородных граждан, которые любят и берегут природу, а значит, родину, свой колхоз, своих родителей. Инспектирующие заметили, что директор редко чего просит для оборудования или ремонта здания школы. Удивлялись, узнав, что Иван с подростками перекрыли крышу, заменили рамы, поставили с родителями здание на новый фундамент, удалив сгнившие венцы брёвен.

Председатель колхоза, отказывавший сначала в помощи в подвозке топлива, выделении средств на краску, был крайне озабочен, тем, что директор перестал ходить на его заседания. «Что ты ничего не кланчишь? Предшественники приходили, кланялись. Я им давал краску, стекло и топливо завозил. Снабжал мяском и зерноотходами. Сильно гордый. Вот вызовут на комиссию, нам достанется, а особенно тебе, как директору. ...Почему же? Уже отремонтировали? На новый фундамент? Кто тебе цемент дал?» Ветров рассказал, что краску купил на собственные средства, цемент

привёз однокурсник, ставший начальником строительного треста, приехавший поохотиться. «Школа вам, дорогой председатель, приносит условную прибыль, а кланяюсь я только на уроках физкультуры. Свои проблемы не перекладываю на других», — сказал весело Иван.

— Уголь что не просишь, за овощами, сеном не обращаешься?

— Сено кошу сам, уголь привезли, дрова с ребятами в бору собрали, а заодно и мусор закопали, который вываливают односельчане, не стыдясь своих детей. ...Овощи выращиваем на участке, закладываем агрономические опыты по капусте, по картофелю. Помогает нам главный агроном. У нас живой уголок, а кролики и поедают сорняки. Диетическим мясом дети обеспечены. Это не эксплуатация детского труда. Производственная бригада учится пахать и сеять, пропалывать и деньги считать. У каждого трудовая книжка, в которой учитывается сделанное, начисляется зарплата. Да, мы продаём картофель, другие овощи. Арбузы и дыни дети могут брать домой, но всё записывается. Наши юные пчеловоды победили на многих конкурсах. Вы чем-то их наградили? А с удовольствием водите экскурсии из края. Вы обещали туристические путёвки за ударный труд на обрезке свёклы, лука-севка. До сих пор ничего нет. ...Мы ездили, но только на свои деньги, которые получили за выращенные овощи, за породистых кроликов, за мёд.

Председатель стал рассказывать о проблемах с запасными частями, со строительными материалами.

— Ведь строятся дома и для них, — загорячился он. — А почему ты не жалуешься на меня?

— Не научен кляузничать. Пока есть силы и смекалка, ничего просить не стану, и не буду беспокоить. У педколлектива есть возможности содержать школу и себя самостоятельно. Дети учатся работать и получают за труд. Вы же забываете это делать. Поэтому они не спешат идти на прополку колхозной свёклы. А куда им деваться, ведь вы поделили свёкольные рядки между колхозниками, обещая сахар. У нас своя плантация. Дети знают, никто их не обманет. Производственная бригада всё делает коллегиально, но не без помощи родителей. Растут экономисты, агрономы, зоотехники, механизаторы, хотя обещанного трактора так и не увидели, а вот автомобиль нам дали, как приз, инвентарь собираем из утиля, который вы сдаёте, выполняя план.

О Ветровых в прессе писали много и разное. Приезжали из других районов за опытом. Удивлялись, восхищались. Председатель стал давать технику, построил для директора школы и его семьи квартиру, когда узнал, что его хотят забрать в край, чтобы опыт внедрял в каждой школе. Председатель понял выгоду сотрудничества. Недалеко от новой школы был заложен большой сад с ягодниками и плодовыми деревьями. Зимой учащиеся проводили занятия в своей большой теплице, где росли грибы, цветы, редис, огурцы. Летом жили в небольших домиках, купались в пруду, работали, выращивая овощи, собирая фрукты, ягоды, целебные травы, пряности. Так образовался лагерь труда и отдыха. Вдоль села протекал по заболоченной местности ручей. Ветров предложил сельсовету сделать плотину с водоспуском, очистить русло, где сохранились родники. Школьники участвовали в сооружении запруды, очищали дно. Однажды они нашли две винтовки и станковый пулемёт системы Гочкиса.

Гражданская война, да и другие войны не обошли Берёзовку стороной. Возникла идея — создать музей, в котором бы каждая семья имела свой уголок, свою родословную. Сейчас этот музей расположен в старом здании школы, в его залах проводит Иван уроки истории.

Три года заполнялся пруд. Завезли мальков карася и карпа. Каждый школьный предмет увязывался с реальными практическими занятиями. На уроках химии учащиеся не просто решали задачи, а вопрос ставился конкретно, как рассчитать количество удобрений на гектар, как приготовить подкормку нужной процентной концентрации, как провести анализ почвы, какие химические элементы необходимы в тех или иных случаях, если почвы солончаковые, кислые, тяжелые и так далее. Многие родители приходили в школу за советами, просили помочь составить карту патогенных зон огорода и квартиры. Семена дети высылали во многие уголки страны и за её пределы. Многие выпускники становились преподавателями, получали учёные степени, но не забывали своё село, свою школу и её директора.

Находились и такие, которые злобно критиковали методы воспитания Ветрова, дескать, он культивирует кулачество, проповедует чуждые советской власти принципы стяжательства и накопительства. Иван не обращал внимания на крикунов. За него это делали родители, ученики, заработавшие за время учебы средства на дома, на мотоциклы и автомашины. Ветров не хотел уезжать, а приказам не подчинялся, так как не был членом партии. Его турнули из директоров, он работал рядовым преподавателем. Даже не завучем. На-

лаженное хозяйство потихоньку разваливали, прилагая не малые усилия.

Председатели стали меняться часто. Селяне сначала избрали Ветрова депутатом сельского совета, а потом захотели сделать его своим руководителем. Но установка негласная пришла из района, чтобы Ивана не допускали до руководства ни колхоза, ни сельсовета. Главный завистник — бывший коллега из соседнего села — взошел по ступеням карьеры на самый высокий пост в районе. Он обижен на Ветровых за то, что они не подчинились его приказу, не поехали в райцентр. Месть за строптивость длилась долго.

Ветров не особо огорчился, потому, как не уважал диктатуру. Грянувшая перестройка, как экзамен выявила слабые и сильные стороны школьного воспитания. Ветровские парни и девчата, получившие закалку на уроках труда, построили теплицы, развели скот и птицу, вышли из колхоза, забрав земельные паи родителей и свои. Фермеры из Берёзовки знали, что сеять, на каких полях, изучали рыночный спрос и сообщество построили мельницу, маслопрессовый заводик, деревообрабатывающий цех, который сначала развозил горожанам дачи, селянам — сараи, баньки, а потом поставил на поток выпуск двухквартирных коттеджей, в которых нуждались переселенцы из соседнего государства.

Хлеб из Березовской муки пользуется особым спросом до сих пор. Подсолнечное масло, овощные консервы, колбасы, ветчина и окорока можно встретить во многих городах края. Вот попутчица раскрыла пакет с провизией, выставила баночку мёда с гербом Берёзовки. Иван долго с ребятами из кружка краеведов составляли свой сельский символ борьбы и труда. Во время Отечественной не вернулись в село триста сорок

три пахаря, а, сколько умерло после войны от ран? Сколько умерло детей в военные годы от болезней и голода в раннем возрасте? Иван поехал в архив, нашел сведения и об этих потерях. Рождались дети и во время войны. Наезжали в село уполномоченные, злобствовали бригады, обрекая понравившуюся женщину на непосильный труд, чтоб сдалась и покорилась. Тогда такая семья получала из кладовки колхоза немного пшеницы, немного овса или пшена, якобы за ударный труд. А непокорную могла ждать тюрьма или расстрел за букетик колосков, сорванных на меже. Таких историй в Берёзовке не много, но женщины не хотят их помнить.

Раненый солдат Тихов, приехавший на излечение в семью, засобирался в часть, так как жизнь в тылу была невыносимо тяжкой. Пойманного суслика делили на пятерых. Постная болтушка из крапивы и лебеды с кусочком горького хлеба была наполнена витаминами, но нормально расти и развиваться при таком питании дети не могли.

Нина тоже начала добывать из сумки продукты. Хорошо, что Иван тайно оставил в холодильнике курицу, решив, что им достаточно и крольчихиных окорочков, обжаренных с чесноком в духовке.

— Куда же задевались котлеты? — недоумевала Нина. — Беляши тут, творог вот он. А курицы нет. — Посмотрела на мужа карими большими глазами. Несмотря на возраст, была для него по-прежнему, желанна и привлекательна. Немного фигура потяжелела, но это ничего не значит. Ведь Нине уже пятьдесят два. В первые учебные года находила в портфеле или в тетрадке записки с объяснениями в любви парней из старших классов. Ивану не говорила, вида не подавала,

никого старалась не выделять, не оказывать знаков внимания. Проходили мальчишеские увлечённости. Лишь Толя Адамкин из первого выпуска до сих пор присылает открытки с видами зарубежных городов. Капитан дальнего плавания водил сухогрузы, а теперь собственная компания. Приглашал.

— Ребятишкам оставил, — сказал Иван, следя за руками женщины.

— Правильно сделал, — как-то быстро согласилась Нина.

По вагону шел молодой мужчина, выставив на показ обрубки рук. Его вела девочка с баночкой, в которой звякали монеты. Нина завернула в газету несколько беляшей, яиц, два окорочка. Как только подошла девочка с мужчиной, падала ей пакет. Ребёнок стеснительно проговорил слова благодарности, а парень неловко перекрестился.

Не успели Ветровы выпить по стакану отвара из термоса, как появилась пара глухонемых, предлагавших фото обнаженных девушек очень юного возраста, газеты и книги. Нина усмотрела книгу народной медицины.

— Тебе календарик купить с девчатками?

— Мне календарь с пчёлками, — сказал Иван.

— Есть. Как делать медовуху, как самогон облагораживать. Взять?

— У нас есть, — усмехнулся Иван. — Пора самому братья за рукопись.

— У них дешевле, чем у нас в райцентре в крытом рынке.

Мыча и жестикулируя, глухонемые показывали свой товар в следующем отделении. Женщина подавала газеты и книги, а мужчина — бросал на столик ка-

лендари и отпечатанные на фотобумаге гороскопы, основы лечения прополисом, пчелиным ядом, мёдом и маточным молочком. У Ивана были брошюры на эту тему. Он готовил мази на основе прополиса и воска. Раздавал соседям и снабжал приятелей волшебной мазью, которая заживляет ожоги, раны и омолаживает кожу.

Нина открыла банку облепихового варенья. Подошла хорошенькая проводница, протянула бумажный пакет.

— Кладите, что уже не нужно. Не выбрасывайте в ящик.

Пассажиры собирали со своих столиков кости, кусочки хлеба, рыбы, колбасы, ссыпали в пакет. «Заботливая девушка, — подумал Иван, — Новое что-то в обслуживании».

— Чтобы мы меньше пол топтали, — раздался довольный голос старушки. Проводница что-то объяснила, но Иван не понял. Пришла Нина, принесла кипятку и подала книгу «Лекарственные растения Алтая».

— Глухонемые оказывается, такие разговорчивые. Курят и матерятся на русском языке. — Сказала Нина, ставя кружку.

Прошла обратно проводница. Заговорила с кем-то.

— Ко всему тут привыкла. Не удивляюсь, а сейчас станция Белово. Косточек не набрала, — сокрушенно говорила женщина, словно в чем-то виновата.

— Конечно, Оля, вагон-то почти пустой. Пятнадцать пассажиров. И у меня ничего нет. Пойду, порожусь в мусорном баке.

Пробежал мальчик с кульком.

— Тётя, возьмите. Папа передал.

«Странно, — раздумывал Иван. — Зачем ей рыться в мусорном баке?»

— Нина, а что так озабочены наши проводники? Ты что-нибудь понимаешь?

— Нет. Не бери в голову, пей чай с мёдом и бояркой.

— Это такого цвета мёд? — удивилась попутчица. — Почему красный? Никогда не видела. Может, фальсифицированный.

— Что вы. Попробуйте. Пчеловод вам и расскажет, как делает вместе с пчелками целебный мёд, — проговорила Нина, придвигая банку к пожилой женщине. — Попробуйте, удивитесь. Ощутили вкус золотого корня, шиповника?

— Странно, — покачала головой пышная седоголовая женщина. — Что-то слышала о том, что в мёд добавляют лекарства.

— Потом расскажу, — проговорил Иван, вставая. Вагон плавно останавливался. Накрапывал дождь. Слабоосвещенный вокзал проплыл мимо, словно утонул в туманной дымке. Проводница открыла дверь, поднялась, освобождённая площадка, скрывающая ступени. Принялась вытирать поручни. Ловко спустившись на бетонную платформу, заглядывалась, кого-то выискивая. Ветров увидел, как из-под вагона возникла лохматая собака. Проводница радостно заговорила:

— Вот моя красавица пришла. Не бойся. Ешь. В обиду тебя не дадим. Как ты теперь живёшь? Как твои щенки растут?

Иван заметил, что у тамбуров других вагонов, несмотря на сумерки, едят собаки. Их много. Они все разные.

— Давно тут у вас собачья столовая? — нехорошо улыбаясь толстыми губами, спросил пассажир из соседнего вагона.

— Всё время нас в Белово собачки встречают. Три месяца на этом маршруте. Сменщица сказала, чтобы я к станции готовила передачку.

— А эта, — кивнул пассажир на собаку, расправлявшуюся с костями и кусками хлеба. — Всегда вас встречает?

— Удивительно и непонятно, как она находит мой вагон. Никогда не ошибается. Сменщица сказала, что зимой она тоже приходила.

— Это её территория, — сказала проводница соседнего вагона, глядя свою собаку. — Наверно, вагоны тоже пахнут по особенному.

— Тонь, а ведь прицепляют иногда дополнительные вагоны. Как они нас находят?

— Спроси у них, — усмехнулась девушка, глядя вдоль состава.

— Не грызутся? — спросил тучный пассажир.

— Не видела, — сказала проводница соседнего вагона, — всегда прибегает ко мне. Рыженькая. А Тонькина собака похожа на охотничью.

Пассажиры молчали. Иван помнил, что на станциях торговали домашней снедью. Словно подслушав его, заговорил полный, поблёскивая ртом:

— Тут всегда торговали грибами и горячей картошкой. Можно было и бутылку купить отличного самогона.

— Помню, в детстве мне тут дядя Гриша купил две кедровые шишки, — задумчиво проговорил сторбленный мужчина не пассажирского обличья. Никто не

видел, откуда появился. — Мы ехали в Асино. Давно это было. Я еще в школу не ходил.

Иван слушал пассажиров и удивлялся. Промышленный городок. Неужели, и угольную промышленность разорили так, что на помойках и собакам нечем поживиться

— Перестроились, — грустно выmaterился полный мужик, — сами на подачки заокеанские живём и собакам пришлось побираться.

Вагоны сдвинулись. Колеса привычно принялись вращаться, пассажиры втянулись в вагонные парадные, проводницы щелкали замками дверей. Мелкий дождь чертил косые линии на стёклах, плевал в глаза сутулому человеку, и собакам, которые махали хвостами, вслед уходящему поезду. Ветров смотрел в окно на бездомных. Он так и не получил отпускных, а зарплату выдали только за месяц. Как будет платить за учёбу сына, пока не знал.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Пятый год подряд Ариадна Павловна Лебедева возвращается из санатория поездом. Как всегда, подъезжая к станции Камбарка, волнуется. Причины настоящей для волнения нет, но сдержать себя не может. Лебедева ехала, наполненная радостными силами и блестящими планами на последующую часть жизни. У неё было всё — квартира, машина, отличное воспитание и образование, был вполне нормальный муж, с которым она так и не могла посориться со дня встречи и потом, после свадьбы. Он был внимательным, заботливым, честным и справедливым. Всё, что она готовила

ему нравилось, о чем бы ни говорила, поддерживал её и помогал, если это требовалось. Никогда не психовал по поводу неумелой траты денег на пустяки или ненужные вещи, говоря, что у нас ещё миллион не заработанных, какие наши годы. Дочь была у них умница и красавица, учившаяся на пятёрки, занимающаяся музыкой и языками. Для полного счастья Ариадне Павловне не хватало какой-то малости, малости важной. По этой причине жизнь ей казалась такой пресной и скучной, что у неё разыгрывалась мигрень, и терялся аппетит. Врачи судорожно разводили руками, рекомендовали сменить обстановку, отправившись к морю или по путёвке в заграничное путешествие.

К станции Камбарка скорый поезд пришел в сумерках. Уставший и потный от дождя, стоял, подрагивая, словно старая лошадь после тяжелого труда. Женщина отложила вязание, посмотрела в мутное стекло окна, но, ничего не увидев, засуетилась, роняя с высоких колен клубки. Набросив на пологие плечи модный плащ-пальто из оранжевого ворсалана, выбежала в тамбур. Сквозь туманную дымку просматривались очертания вокзальчика, станционных построек. Пассажиры в шуршащих полиэтиленовых плащах и накидках несли сумки и детей, накапливаясь у спальных вагонов.

Лебедева стояла у пакгауза. Сияющими глазами смотрела на большие неровные буквы, выведенные на коричневой дощатой стене длинного склада. Несколько раз она повторила: «Я Таню люблю». Из её не старых глаз, смешиваясь с каплями дождя, спешили по щекам злые слезины. «Он всё ещё её любит. Поэтому и пишет на стенке каждый год. «В прошлую осень буквы

были помельче, не такие чёткие», — прошептала Ариадна Павловна, входя в своё купе.

— Кто он? — спросила сухонькая старушка, поправляя клубки на столике.

— Кто ж его знает. Пять лет объясняется какой-то несносной Тане. Морочит голову парню.

— Вам-то, какая болесть?

— Нехорошо Татьяна делает. Может быть, она замужем, а он надеется, что его признание что-то изменит. Скорей всего, уехала, ведь написанное видно из окон вагонов.

Старушка открыла банку с варёной картошкой и купе окутали запахи укропа, лаврового листа и еще чего-то такого, что непременно связывается с детством.

Камбарка. 1970.

ГОРЬКОЕ СЧАСТЬЕ

Аркадий и Владимир уселись в кресла, щелкнули пряжками ремней и приготовились взлетать. Позади билетные хлопоты, шереметевские вокзалработницы и аэроюноши, требовавшие упаковывать кинокамеру, быстро вынимать ремень из брюк. Владимир поэтому и отстал от толпы пассажиров, психовал по поводу просвечивания портфеля, в котором фото и киноплёнки, но его успокаивали подковных дел мастерицы, заверяя, что фотоматериалы не попортятся.

Аркадий его нервно ждал в накопителе. Он летел к братьям и сёстрам. Двоюродным. С отцовыми братьями расстался во время войны, когда ему было четыре года. Разметала война белорусскую семью Курачей из деревни Заболотье Могилёвской области. В последнем

детдоме Аркаше дали фамилию Константинов, так как он вспомнил имя отца.

А отец, партизанивший в отряде Антона Пакуша до прихода Красной армии, с другими бойцами был направлен в действующую армию. После войны Константин Яковлевич объездил все детские дома Белоруссии и Украины, спрашивая Аркашу Курача. Он будет в гитлеровской школе в Бобруйске, в которой готовили малолетних диверсантов, а в конце войны брали кровь для раненых офицеров. Бобруйск возьмут, а уцелевших детей отправят в детские дома. Аркадий получит фамилию Незнамов. Окончит ремесленное в Могилёве, приедет по распределению в Рубцовск. Станет набираться сварочного опыта на заводе сельского машиностроения. Через полгода пригласят в горвоенкомат. Бесплатно привезут на службу в солдатские ряды.

Внимательный замполит в конце службы заинтересуется судьбой солдата и разошлёт его фото в районные белорусские газеты. Так отыщутся родители солдата, но извещение о них придёт ему через два года. Получил раньше, но оно не успевало за ним. Аркадий отслужит, приедет на стройку Братской ГЭС. Построит там с товарищами солдатами запаса всё что нужно и вернётся на родной завод. Тут бы и получить ему информацию, но встретит Нину в столовой и женится.

Что делать в большом городе? Квартиру ждать? А где яблони сажать? Где морковку посеять? За городом? Молодая семья уедет в село Новогорьевское, где Нина раньше росла и училась в школе.

В один из осенних солнечных дней сварщика Константинова вызовет Иван Иванович Жилин, директор МТС, покажет конверт с красной полосой — «Все-союзный розыск». Спросит, дескать, чего натворил, го-

вори сразу, помогу. Сварщик недоумекает. Особых грехов нет. Большой пакет разорвут руки директора. Выпорхнет бумажка. На крохотном листке адрес его родителей. Уволится сварщик-солдат. Помчится в родную Белоруссию. Произойдет встреча с мамой, отцом и сестрой. А еще узнает, что у него много братьев и сестер. Двоюродных. ...Жили одни в Минске, другие в Калининграде, а третьи на Дальнем Востоке работали. Аркадий и Нина начнут жить недалеко от родителей, в совхозе «Оресса». Так речку недалёкую называли. Придется им вернуться на Алтай. Влажный белорусский климат окажется для Нины не подходящим.

Самолет разбежался, развернулся. Сорвавшись, как с цепи, помчался, прикладывая все свои реактивные силы, чтобы одолеть земное притяжение. Владимир смотрел в круглое оконце, вспоминал недавние встречи с приятелями-литераторами, и совсем незнакомыми, приехавшими из разных городов, на Шукшинские чтения. С Сашкой Родионовым Вова нес несколько бутылок пива, чтобы освежить головы коллег. Тогда впервые увидел многих известнейших поэтов и прозаиков, в том числе и Валерия Золотухина, который сидел в легковой автомашине. ...И не сдвинулся места, на пригласительный Вовкин жест, утолить жажду. Долго стояли и знакомились на крыльце гостиницы «Алтай», дышали утренним воздухом.

А Вова поехал в другую сторону. В аэропорту его ждал Аркадий Иванович. Десять лет он планировал поездку в Белоруссии, чтобы снять кинофильм и собрать материал для документальной повести о непростой судьбе знакомого, о белорусских партизанах, о большой семье Курачей. В соседней области жил когда-то его прадед Стефан Марченко, увезший семью по

столыпинской путёвке в Змеиногорский уезд в сельцо Саввушку. Владимир знал, что в белорусской вёске нет родственников, но ему хотелось услышать родной язык деда, увидеть, как живут белорусы, опалённые войной и посыпанные чернобыльским пеплом.

Аркадий закрыл глаза, намереваясь подремать. Перед посадкой поели немного из буфетной кладовой, выпили по несколько граммов, припасённого из дома натурального продукта. Они летят в Москву, а потом в Калининград к двоюродным братьям, сёстрам и племянникам. Потом решили ехать в Минск поездом через границу с соседним государством, столицу которого расположили в белорусском городе Вильно, но назвали его по своему — Вильнюс. Кроме города Вильно подарили соседям и солидный кусок белорусской территории. Ничего не жалко для хороших соседей.

В Шереметево долго ждали рейс. Слонялись без дела по залам, пили фанту, читали газеты, сообщавшие о том, что делается на разрушенной чернобыльской атомной электростанции. Смотрели, как дымят, реактивными движками, взлетающие самолёты, как падают на взлётные полосы, прилетающие воздушные суда.

Аркадий вновь увидел себя маленьким хлопчиком. Вот он убегает, заметив идущего за оградой огромного немецкого солдата. Аркаша в страхе мечется по двору, а потом вбегает в избу, бросается под печку, где зимой жил кнур — поросёнок. Следом за мальчиком вбегает рыжий бестолковый немец, кричит сидящей женщине с ребёнком что-то о партизане. Евдокия Макаровна пытается объяснить, что это мальчик — киндер, а не партизан, но солдат яростно рвёт затвор автомата и стреляет очередью в тёмное пространство, под печью. Ни одна глупая пуля не задела малыша.

Солдат вермахта суёт дрожащую конопатую руку в подпечек и за ножонку, вытягивает со страхом малыша, которого принял за партизана. Не найдя при нём ни взрывчатки, ни миномёта, уходит дальше, неся тёмным белорусом, которые едят сало с салом и спят на соломе, строгий порядок и цивилизацию.

Ни одна глупая пуля не задела тогда его.

Аркадий медленно просыпается. Ему часто снится мама, отец и маленькая Люба. Вот высокий и самый сильный в мире человек несёт его плечах среди цветущих яблонь. Он помнит, как стучали падающие яблоки по крыше дома. Но забыл на долгие годы свою фамилию, название вёски.

Владимир прикидывает, как будет снимать заткнутые палками гитлеровские каски, из которых пьют белорусскую воду утки. Он даже рисует в блокноте эскизы кадров. Но ему мешают.

Стюардессы, как добрые феи, порхают по проходу с подносиками, щедро одевают пассажиров конфетами. Пассажиры радостно сосут леденцы и восторгаются сервисом. Гудит турбина за окном — места Аркадия и Владимира последние.

Миленькие и предприимчиво-надёжные девушки в синей форме аэрофлота несут в кабину пилотов подносы с обжаренной курятиной. Пассажиры приводят кресла в вертикальное положение, отстёгивают столики, но им приносят на обед лотерейные билеты.

Чаровницы, обещают по автомобилю, так как билеты, купленные на высоте двенадцать тысяч метров, обязательно принесут счастливые выигрыши. Возможно, у них научится впоследствии известный господин Чубайс, торгуя ваучерами, но уже на Земле, станет обещать россиянам по две автомашины.

— Я и так счастливый, — говорит Аркадий Иванович, — В меня стрелял из автомата какой-то глупец, принявший четырёхлетнего мальчика за партизана. Когда немцы спалили нашу и соседние вёски, я с мамой и сестрой уцелели, хотя почти всех жителей сожгли в большом сарае. Нас гнали до Бобруйска. Отстававших расстреливали. Я цеплялся за мамину юбку. Маленькая моя мама несла трёхмесячную сестрѐнку. Мама смогла нас чем-то кормить. ...Оказавшись с другими мальчиками в заведении с вывеской: «Союз борьбы против большевиков», уцелел, так как у многих детей забирали кровь. Не погиб и во время боѐв за город. Город бомбили хорошо. Повезло и тогда, когда мы, ребятня, подобрав оружие в развалинах города, стреляли друг в друга, играя в войну. ...Мы сбегали из детдомов, ездили на поездах, срывались с крыш, разбивались. Мы выплавляли взрывчатку из снарядов над кострами, мы бросали ржавые немецкие гранаты, глуша рыбу. Некоторые дети погибали, получали ранения и увечья. Стороной летели мои осколки. Впереди была встреча с семьѐй. Через семнадцать лет нашлись родители. Я — счастливый человек. У меня много выигрышей, — говорил Аркадий Владимиру, который подписывает лотерейные билеты: «Вера, Оксана, Алѐна».

РУЧЕЁК

На речной скамейке, под навесом остановки междугороднего автобуса сидел человек. Несмотря на теплую весеннюю погоду, на голове шапка, а полами расстегнутой черной шубейки из синтетики укрывал котѐнка, который важно поводил мордочкой. Человек

разговаривал с ним, привлекая внимание детей и взрослых. Были желающие угостить котёнка. Мужчина брал кусок булки, пытался кормить питомца. Тот не ел хлеб. Мужчина отправлял подношение в карман. Словно извиняясь, говорил: «Проголодаешься, всё съешь». Тонкий ручей продирался среди окурков и пропадал в луже, отражающей большой зелёный автобус. Утром его не было, когда я сошёл на бетонную площадку. Дед с котиком сидел на скамье перед автовокзалом. Хотел дать ему денег, но он, заметив мои движения, отвернулся. Седая борода давно не стрижена и не видела расчески всю зиму. Нависавшие над губами волосины, скрывали рот. Заметно, что зубы у пассажира не все.

Женщина в годах, сидевшая недалеко от меня, открыла сумку, достала пакет с продуктами. Мальчику лет пяти, стоявшему подле неё, сказала: «Ваня, покорми котика. У нас точно такой же на даче, а когда мы уезжаем домой, он так смотрит, словно говорит, «ну, куда вы, как я тут буду без вас».

Мальчик две отварных сардельки протянул мужчине, тот сконфузился; его виноватое неопрятное лицо стало еще скорбней, а тоскливый взгляд выдал человека застенчивого и, возможно, в недалёком прошлом, знавшего себе цену.

Задавив гордость, принял сардельки и стал кормить котёнка, хотя было заметно, что подобное угощение ему пришлось бы по нраву. Вдруг мужчина встрепенулся. Его морщинистое серое лицо замерло в какой-то муке. «Мне позвонить, — вдруг тихо сказал, оглядывая сидевших и стоявших. — А я телефон забыл дома»

Юная особа в синем коротком плаще, с шикар-ной детской коляской сделала шаг к скамейке и подала мужчине роскошный аппарат. «Вера, ну зачем? Сейчас убежит, и опять останешься без связи», — говорил ворчливо молодой человек в новом кожаном пальто, в темно-синей шляпе. А мужчина уже говорил. Его голос стал хриплым, словно что-то сжимало горло.

— Здравствуй, здравствуй. ...У меня всё нормально. Ты почувствовала? Хорошо. Живу у детей. У средней дочери. Помнишь, короля Лира? Я тебе говорил, когда они родились, когда пошли в школу. Давно это было. Тридцать с лишним лет. А старшей — скоро сорок. Не волнуйся. Мне тепло. У нас тут весна вовсю. Сегодня очень тепло. Я гуляю с котенком Дымкой. В сквере. Ты его не помнишь. Хотя рассказывал...

Мужчина беседовал с кем-то, кто его хорошо знал. Пассажиры внимательно слушали. А говорил он, не стесняясь, но и не играя на публику:

— Я вспоминаю наш детский сад. Ты была сама хорошая. Да, да. Понравилась. Не смейся. ...Ей смешно. Я всё помню. ...Ты можешь проверить. Спрашивай. ...Что-нибудь полегче. Твоя подруга. Помню. Какая-то простуженная и рыжая. Убедилась? Так? ...Хорошо помню, как у тебя сломалась кукла. Она ломалась постоянно, мне было радостно, когда ты обращалась. Я всегда ремонтировал твоих кукол. Значит, ты это забыла? А моя память лучше. Спроси еще что-нибудь. ...На выпускном, когда нас выпроваживали в школу, у тебя были светло-фиолетовые банты. А мне мама сшила настоящие брюки. А папа подарил ремень. ...Нет. Ни разу. Учился отлично. Ты разве забыла? ...А помнишь ручеёк? В садике играли. Ну вот. Я выбирал тебя. А ты — меня. Мой друг всегда выбирал меня. Мы уходили

вперёд. Ты шла следом. И мы снова держали друг друга за руки. Помню каждый твой пальчик. Даже шрам. Ты нашла пустую ампулу и порезалась. ...Плохо сегодня тебя слышно. Говори громче.

Мы «подслушивали» чужую жизнь. С напускным равнодушием и спокойствием, слушал его. Он говорил:

— У меня новое пальто. Ты его видела. Я тебе показывал. ...Ты плачешь? Не плачь. ...Надоело врать? Ну, почему? Ты меня не обманывала никогда. Я — фантазёр? Не может быть! ...Когда? Когда тебе было двадцать два года. Отчего? ...Во время родов. Праздновали день восьмого марта. И ребёнок? Как же так? — он вдруг заплакал. По его морщинистым щекам текли слёзы, а плечи тряслись, котёнок испуганно спрыгнул с колен и забился под скамью. Мальчик позвал его, но тот сел и обнял себя хвостом. — С кем же говорил всё это время? Могла и раньше сказать. Я не обижаюсь. Значит, ты умерла сорок восемь лет назад, а мне ничего не почувствовалось. Я... я... ну, с кем же я разговаривал, если тебя?.. Знаю, что смерти нет, но не понимаю. Не плачу, не жалею. Зачем ты обманывала меня столько лет? Я думал, что ты живёшь в Ростове. ...Звезды, говоришь, нет, а свет блуждает во тьме. Я разговаривал со светом? Да, как ты можешь столько лет?.. Я жил лишь мыслями о том времени, когда ты брала меня за руку? Ты и сейчас берёшь меня... — мужчина посмотрел на руку, потом подул на кисть, — Я разговаривал с твоей душой? Но так не бывает! — с мукой почти выкрикнул он. — А мне теперь зачем? Мне тоже. Что меня тут держит. ...Я врал тебе. Нет у меня никаких детей. ...Ты и это знаешь? Да. Тут люди. Мне неудобно. ...И я тебя. Вырос и стал смелым. То в

садике. Я боялся причинить тебе... Обидеть. Я хотел, чтобы никто не знал. Мы скоро встретимся. ...Пожить и помяться тут? Лгунья. ...Не прощу. Ты же знаешь. Ты видишь меня? Ты всегда была со мной? Прости. Я такой подлый и отвратительный. А ты — добрая, — мужчина улыбался, а слёзы текли по его заросшему седой бородой лицу. Вот мужчина с поклоном подал телефон, поблагодарил женщину. Мы, молча, следили за ним.

«Он его не включал», — удивилась женщина, обращаясь к мужу. Люди засуетились, беря сумки и пакеты. Разворачивался автобус. Я ничего не мог понять. Спешил жить. Торопился на «ярмарку». Не понимал того пожилого человека. Но запомнился случай. Прошло много лет. У меня иное восприятие жизни, иные чувства. Теперь понимаю. Бездомные не удивляют. Течёт жизни ручеёк. Кто-то нас выбирает, кого-то, как нам кажется, выбираем мы. Каждому позвонит телефон. О чем станем говорить и с кем? Будет ли рядом родственная душа, чтобы мы непритворно умели выслушать и понять друг друга.

ЗАБОТЛИВЫЙ АНИКИН

В середине уборочной у комбайна Вовки Аникина накрылся вариатор. Не весь вариатор, а один подшипник рассыпался от трудной работы или от обильной смазки. Второй подшипник нужно было непременно выбросить, так как он с нетерпением ожидал конца своей службы. Без вариатора ты уже не боец за урожай, а твой комбайн стоит посередине поля, как большая куча металла, нафаршированная трубками и шлангами, не

считая цепей и ремней, приводящих в рабочее состояние узлы и механизмы, обмолачивающие колоски, выгружающие солому и так далее.

У Аникина были в запасе подшипники, но для вариатора не оказалось. Поспрашивал у ребят из своей бригады, но какой дурак разве даст в разгар страды дефицитный предмет. В позапрошлый год этих подшипников на складе куча лежала. Аникин взрослый человек, работать умеет, но техника старая и в передовые не даёт ему выскочить. А ему хотелось получить абонемент; пусть не на холодильник, хотя бы на ковёр. Он женился два года назад. Квартиру ему дали, а вот ковёр бы в детскую не помешал. Но ковры на дороге не валялись. Володька смотрел на солнце, на длинные тени у кузницы и про себя матерился. Обычно так бывает — то, что есть, не нужно, а что нужно, того нет. Механик на ужин прикатил, узнав проблему, начал старательно вздыхать, словно вздохами мог подшипник создать для комбайнёра. Повздыхав минут пять, начал энергично звонить по своей мобильной рации, уговаривать, грозить и настаивать. Можно было старый вариатор поискать на машинном дворе, но инженер категорически не разрешал разукomплектовывать технику. Аникин весь утиль обследовал, у стариков-пенсионеров пытался выманить, предлагая солидную премию.

Подшипники нашлись. Механик мог бы и сам поехать в соседний район, но у него в полевую страду от нелёгкого труда всегда радикулит разыгрывается. Он с трудом ездит на спецавтомашине, кое-как подвозит масло и воду, а что ещё может привезти. Запасных частей нужного качества и спроса на складе давно нет. Аникин оседлал мотоцикл, и поехал с запиской. Больной механик только медленно в кабину к себе забирал-

ся, а записки мог писать легко и быстро. Аникин хотел поднять пыль и нажать на главного инженера, но он давно понял, что, сколько не жми на инженера, подшипника даже одного не выдавишь из его объёмистого чрева. В вариаторе стоят два подшипника. Как было сказано, износились из-за трудной работы, обильной смазки и неправильной регулировки натяжения ходовых ремней предшественником. В предыдущую страду Аникин зябь пахал. Его комбайн передали мальчишке-практиканту, который институт должен был оканчивать через три года.

Поднимая шлейф пыли «Восходом», мчался Аникин в соседний район. Дороги он знал. Час туда и час оттуда, ну и там час, чтобы оформить получение запасной части, а точнее сказать, вручить «бутыльборд». И старые разбитые подшипники, измазав в солидоле, вёз с собой комбайнёр, чтобы механик мог отчитаться перед кладовщиком. Без этого нельзя, куда и на что он будет списывать изношенные подшипники. Пусть даже из братового колхоза.

Там, куда он припылил, вышла осечка. А приехал в колхоз «Рассвет». Механик механику друг и брат, хотя и двоюродный. До подшипников можно было дотянуться одной рукой, но кладовщик уехал за машиной. Машину ему дали. За безупречный труд, её нужно срочно выкупать на городской базе торговли. Аникин ударил кулаком по бензобаку верного мотоцикла и поехал, но не домой, поехал, как ему сказал механик, в гостиницу, чтобы утром рано ловить заведующего складом материальных ценностей. Ловить нужно было в полном смысле, потому что человек, купивший авто, мог собрать коллег на «симпозиум» по случаю покупки. Механик ещё сказал, что человек, сидящий на полке с

запасными частями, имеет свойство не только испаряться из склада, как дым, но и в разгар страды может терять ключи от этих самых складов с ценностями. Поиски ключей могут затянуться до зимы. Вовик понял. Он вообще у нас в колхозе понятливый механизатор широкого профиля. Поэтому в магазине купил «ключеискатель» и присовокупил к банке с мёдом.

Аникин нашёл место обитания кладовщика, определил, где прописана его родная тёща, где обычно проводит кладовщик «симпозиумы». Перед засадой Аникин решил отдохнуть, потому, как неизвестно, с каким успехом пройдёт ловля человека. Затолкав в дебри полыни мотоцикл, Владимир встал перед закрытым гостиничным окошечком. Он бы мог развлечь себя, отправившись в клуб, посетить видеосалон, но не любил тратить время на пустопорожние мероприятия, считая их недопустимыми, в то время, когда вокруг идёт битва за урожай, когда, надрываясь, гудят двигатели тракторов и комбайнов. Он эти звуки слышал даже кожей, даже когда ел за столом бригадной столовой или мылся в бане, отмывая с рук и всего тела рабочую грязь и пыль.

За фанеркой весело разговаривали и даже хихикали, поэтому тихого стука не слышали и не слушали. Вова долбанул покрепче. Наступила тишина. Последовала ответная реакция.

— Чего тут колотишь? — напустилась молодая, но уже раздобревшая от бездельного сидения хорошенькая женщина.

— Мне бы попочевать. На ночь только, — сказал Аникин, вынимая паспорт, деньги...

— Ха. Удивил. Тут галошами не торгуют сегодня, — игриво сказала женщина, стараясь сразить сво-

им юмором мужчину, чьи ботинки высовывались из-за шкафа. — Паспорт.

— Мне, пожалуйста, номер. Отдельно чтобы, — женщина не обратила внимания на его просьбу, начала писать квитанцию, весело поглядывая в сторону жёлтых не чищенных штиблет. — Есть отдельные номера? Номера есть? — интересовался комбайнёр.

— Что ещё? Деньги давай. Чего тут взялся шуметь. Не в коровнике...

— Нет номеров? — Аникин заволновался.

— Какой тебе номер? — прогудел мужской голос. Штиблеты зашевелились.

— Дали койку. Радуйся. Барин выискался. — Грубо заговорила женщина. — Посмотри на него. Номер ему.

— Понимаете, я ночью очень храплю. Людям будет в номере со мной очень плохо спать. Вот и прошу отдельный номер. Заплачу. — Начал пояснять Аникин, и ему стало даже противно от своих раболопных пояснений.

— Храпи себе, сколько влезет, — сытно отрыгнув, надменно хохотнул мужчина. — Забирай сдачу и ключ. Храпит он. Кто не храпит? Младенцы. Шуруй себе...

Аникин окончательно обиделся. А тут фанерка упала, отрезав дежурную с красными ногтями и штиблеты от его взора. Этот равнодушный стук вывел Аникина из равновесия. «Не о себе же думаю, а они ещё издеваются. Что за люди. Я же никому спать не дам своим храпом. Люди будут злиться на меня и не отдохнут толком». Вовик стукнул в фанерку. Потом ещё раз.

— Ну, чего тебе? — истерично вскричала дежурная.

— Почему вы мне номер не дали. Я буду храпеть, а люди — нервничать, разве непонятно?

— Иди, отдыхай. Тебе сказали, — грозно послышалось Аникину.

— Мне нужен номер, потому что я сильно храплю по ночам.

И тут они дружно набросились на Аникина, обзывая обидными словами: «Прохиндей. Алкаш. Пьянь бездомная. И так далее». Принялись пугать медвытрезвителем. Аникин сначала растерялся, а потом им ответил. Без резких выражений, без грубости, но дал понять, что не на того напали. Тут из двери вышел высоченный мужчина в штиблетах, схватил Аникина за локоть, схватил больно и нагло. Будто хотел пригласить на танец.

— Ты мне общественный порядок не нарушай. Я тебя сейчас отправлю на лёгкий труд. Будет тебе отдельный номер.

Аникин обиделся сразу, схватил мужчину, как учили на заставе, где он три года защищал рубежи родины. Припёр мордой к стенке штиблетника. Тот вдруг заныл, заныл:

— Я командир народной дружины, — вырывался из сильных рук незнакомец, но не мог вырваться. — Я при исполнении... Я порядок охраняю...

— Если ты на посту, зачем водку кушаешь? — от командира несло, а не пахло свежесвыпитой водярой, будто бы он принял стакан вот только что и зажевал луком. — Видали мы таких командиров. Тебе доверили, а ты напился, как... — Аникин не стал клеветать на домашнее животное и пошел к себе в номер, согласно квитанции, но встряхнул мужчину, как пустой мешок.

Не успел Аникин умыть лицо, как в номер стремительно вошёл милиционер, краснокогая дежурная и поодаль — маячил мужчина в серых брюках, держа в руке оторванный рукав от пиджака. Аникин сразу понял, что народ в этой деревне сволочной, и придётся отсидеть пятнадцать суток. «Он бы мог себе морду ещё набить, но не решился, — подумал Аникин, вытирая руки.

— Что себе позволяете? — заговорил сержант, заглядывая под кровать, за шифоньер, обыскивая четырёхместный номер глазами.

— Оскорбил, как мог. За что, — притворно плакала чёрными слезами дежурная. — Требуется номер. Тут их целая банда с утра околачивается. Я позвала дружинника Колесникова. Он и народную дружину избил. Грозился всех зарезать...

— Сколько можно врать? Никого не избивал. Даже рукав себе свой оторвал. Вот этот пьяный дружинник и набросился на меня, а теперь старается из себя пострадавшего изобразить. В коридор он выходил в рубашке. Пиджак висел на стуле. Я приехал за помощью. Комбайн сломался. А тут... Храплю я очень громко. Стал просить отдельный номер, чтобы людей не беспокоить, а эти граждане накинулись, стали обзывать, руки закручивать.

— Забери его, Иваныч, на пятнадцать суток, узнает, как отрывать рукава. Пьяный, как сапожник. Тут их пятеро кучковались. Пили в номере.

— Незнаю, кто с вами кучковался. Я — спиртное с посевной не пью. Техника.

— Собирайтесь, — сказал милиционер, — Разберёмся. Зачем рукава отрываете хорошим людям? Вы-

пил человек чуть-чуть, а может, у него зуб разболелся...

Понял Аникин, что чужой он тут, а значит, виноват. Утром вышел из гостиницы, недоумевая, почему у него такой лёгкий портфель. Ни банки с мёдом, ни бутылки с водкой в нём не оказалось. Он вспомнил, как дышал сначала в стакан, потом в бумажный кулёк, как их нюхали два человека в форме, как удивлялись, как смеялись, когда узнали, зачем он просил номер.

Как вы понимаете, доброта требует жертв. Забота о ближнем привела Аникина в отделение милиции. Заплатил он за рукав, за разбитый графин и стакан. У него не оказалось свидетелей, которые бы подтвердили, что он никого не трогал, никакие графины не колотил. Что такое справедливость — это стечение обстоятельств. Справедливость, доброта, как показал опыт, наказуемы. Если бы Аникин был обыкновенным человеком, когда ему нахамили, то есть плюнули на щёку, он бы ласково подставил вторую и при этом культурно использовал платочек, то с ним ничего такого не случилось. Аникин не был обыкновенным, он был добрым.

ОДНАЖДЫ В КУПЕ

Пассажирский фирменный поезд лениво отполз от бетонного причала Казанского вокзала и во всю прыть помчался в Сибирь. Попутчица у Валентина Павловича Нелюбова, сдававшего экзамены за третий курс Полиграфического института, была одна. Сначала Таисия Ивановна Халдина хотела расселиться с незнакомым мужиком в соседнее пустое купе, но раздумала, так как этого попутчика она уже немного узнала, а кто

знает кого к ней поделят на следующей станции. Это, может быть, ворчащая старушка или заливиный ребёнок трёх месяцев от родов.

Так они ехали, проникаясь тёплым расположением друг к другу. Нелюбов выбегал на станциях и отыскивал кедровые орехи, свежие грибы и газеты. Таисия Ивановна понимала, что грузди-грибы не могут быть свежими в начале июня, но ела их старательно с аппетитом и с отварной жёлтой картошкой, улепленной зелёными веточками укропа. Они узнавали друг друга с каждой остановкой всё больше и больше.

В Арзамасе Валентин Павлович разжился небольшим, но сладким арбузиком, состоящим из чёрно-зелёных полос и короткого сухого хвостика. Таисия Ивановна собрала семена.

— Успею посеять. Приглашаю, если что уродится.

Она почти всё свободное время уделяла саду и огороду. Нелюбов на пятнадцати сотках развёл большой сад. Участок у него был, как и у всех, но сосед, собравшийся в родину предков, подарил ему свой ухоженный садик с бассейном и баней. За необязательными разговорами летело время, как составы за окном. Валентину нравилась женщина. Удивляло то, что она с полуслова понимала его. Денег у него не было лишних, но на картошку с грибами хватало. Соседка проявляла настойчивость, старалась, чтобы её деньги участвовали в покупках. Работала она в детской клинике. Одно время оперировала на детских глазах. Судя по оброненным коротким фразам, ей муж встретил прихлынувшую перестройку с радостным испугом. Потеряв работу в строительном тресте, отчаянно запил вместе с такими же сокращёнными. Она пыталась ему помочь, органи-

зывать частную строительную фирму, но после какой-то махинации, оказался под следствием. Через полгода всё утряслось. Он ушёл из семьи, чтобы не обременять Таисию своим большим долгом.

Жена Нелюбова много лет работала на торговой базе. В новое время организовала там же на базе торговлю стройматериалами. Появилось много свободных денег и товарищей. Аглая много не пила, но приходила домой каждый вечер навеселе. Часто задерживалась у подруг, которые нуждались в её помощи. Помогала она всем, кто бы ни обратился. Иногда отдавала последнее, забыв, что есть двое детей и муж, который в типографии ещё не научился печатать доллары.

В квартире Нелюбовых постоянно кто-то ночевал, так как не мог добраться до остановки автобуса или трамвая. Случалось ему вызывать неотложную помощь подруге, у которой начинало плохо работать сердце. Если Нелюбов срывался, советуя пить поменьше больной, то Аглая, выпустив когти, бросалась в атаку, защищая честь и достоинство незнакомой подруги.

Нахлынувшие реформы сбросили с людей путы скромности, поломали рамки порядочности и долга. Забыли некоторые люди свои семейные обязанности. Растворился без осадка стыд. Пить принялись ожесточённо, не разбирая, что пьют и с кем.

Валентин Павлович рассказал, как изредка встречается со школьными друзьями на природе, у костра.

— Обычно варим уху, жарим, шашлык, ставим палатки для детей. Фотографируемся на фоне закатов и рассветов. Я знаю, что мои друзья не перепьются сухим вином, не полезут в озеро, доказывая удаль. Зимой приезжаем на дачу. Наряжаем яблоньку. Дети с восторгом

развешивают игрушки, которые сами делают. Женщины соревнуются в кулинарных конкурсах...

— Тоже люблю готовить. Девочек приучила заниматься домашними делами с удовольствием, а не по необходимости. ...Заканчивают медицинский.

Пожилой дядька – вагонработник — никого не подсеял к ним. Вторые сутки они ехали в странном и восторженном чувстве узнавании друг друга. Делились рецептами приготовления лагмана, шашлыков, мясных деликатесов. Записали адреса и телефоны. У Нелюбова слегка покружилась голова. Ему ещё никогда не было так чудесно, как это общение с очаровательной женщиной.

— Где же мы были раньше? — грустно произнесла Таисия Ивановна, прихлёбывая из железнодорожного стакана вино. — Вы мне нравитесь, Валентин. Давайте посмотрим, что о нас говорят звёзды. Купила дочери старшей книгу о судьбах и звёздах. Не верю гороскопам, но Инна увлекается. Подарок ей.

— Сначала докупаем ресторанный шницель, допьём вино. Дома не держится спиртное. На даче в погребе закопал три банки боярского мёда. Уже три года. По старинному рецепту. Медовуха.

— Хочется попробовать, — мечтательно проговорила женщина, поправляя халат на груди.

— Позвоню. У меня старый автомобильчик, но ещё ничего — ползает. Девочек ваших приглашаю. Наш мальчик работает на обслуживании нефтепромыслов на севере. Живёт в Томске с семьёй. ...По компьютерам. Программы устанавливает, ремонтирует.

— Не обещаю, — грустно улыбнулась Таисия. Он взял её тонкую руку, поцеловал каждый пальчик,

заглянул в серо-зелёные глаза. — Идите. Отнесите мусор. А то — расплачусь.

Под полом счастливо настукивали колёса, металась за окном опоры контактных проводов, сновали в суете уже зелёные деревца. Выяснили, что звёзды им благоволят. Они просто идеальная пара.

— Мы стары, Валя, как нам начинать жизнь заново? — полушутя говорила хрупкая женщина, сидя на одеяле, подвернув под себя немного кривоватые ножки, ожидая очередного поцелуя. — Что подумают дети? Что скажут сослуживцы? Неожиданно. Нужно подумать, посоветоваться с дочками.

Вечером, когда хмурый дождь принялся, расчерчивать снаружи вагонное окно косыми линиями, и в купе, померцав, засветился на потолке плафон, Таисия с восторгом заговорила о Фейхтвангере, Нексе и других зарубежных писателях, фамилии которых Нелюбов слышал, но не читал. Переводную литературу считал несовершенной и приблизительной. Читал и перечитывал рассказы Бунина, Куприна, Распутина. В отдельном строю на верхней полке стояли у него книги Шукшина. Он так часто читал некоторые произведения, что они запомнились ему. Решив блеснуть начитанностью, взялся цитировать смешные места из разных рассказов.

Таисия Ивановна слушала декламатора с удивлением. Через некоторое время удивление сменилось жалостью, а потом на лице нарисовалась жёсткая ирония. Когда Нелюбов закончил выступление, оваций не последовало. Женщина улыбалась снисходительно, словно ребёнок украл из вазочки конфеты, которые предназначались гостям.

— Валентин Петрович, Извините, Павлович. — Начала женщина вкрадчиво, — что вы в нём нашли?

Так писать сможете и вы. При определённых усилиях. От рассказов Шукшина пахнет нестиранными портянками. Что с ним вы носитесь? Он посредственный режиссёр, актёр — ещё туда-сюда, а писатель слабый. Хотя ему подражают. Это же неправильное суждение о нашей деревне. Эти чудики давно перевелись. Они были в послевоенные годы, а сегодня это грамотные люди. Но о сельских жителях горожане судят по рассказам Шукшина, считая их немного того, с приветиком. Мой папа тракторист, мама — доярка. Я выросла в деревне. Училась в сельской школе.

— Как же так? Василий Макарович пишет о проблемах деревни. Его рассказы невозможно спутать с рассказами Мериме, О.Генри. Они правдивы. Они чудесны.

— Да. Папа работал, как лошадь, а что получал на трудодни? Копейки. У него не было паспорта. Он был крепостным. И я была крепостной, хотя училась в школе. Мы выращивали скотину и с нас драли налоги. Это правда? Её нет в рассказах. Идиллия. Один запах портяночный.

— От трудов иных писателей ничем не пахнет. Как может пахнуть вода? Она разлита по страницам. Можно выбрасывать целые главы. Из рассказа Шукшина невозможно что-то удалить. Даже одну фразу. Потеряется смысл. — Нелюбов горячился, говорил быстро и сбивчиво.

— Успокойтесь, — ласково взяла руку Нелюбова. — Я не стану читать произведения ремесленника. Вам не советую. Посредственные произведения вредны...

— Шукшин вреден? Его в школе изучают! Да, вы, что? Считаете Василия Макаровича ремесленником?

— В хорошем смысле слова. Так писать могут многие, если захотят. И пишут. У нас столько навыпускалось шелухи, что от стыда щеки горят. Как люди могут покупать серость и бездарность? Романы о рабочем классе! Это конъюктура. В угоду потребностям строгуют романы и получают премии и гонорары. Магазины книжные забиты пошлятиной. Книги Белова, Астафьева, Носова, Распутина, Абрамова и вашего Шукшина. Это книги хороших ремесленников. Душевных, но от сохи. Сермяжная правда, которую они выдают за истину, навеивает грусть. Давайте не будем о нашей литературе. Нет её. ...Что Платонов? Что Зоценко? Вы ещё порадайтесь за тех, кто пишет ложь о войне. Нельзя написать правду о войне. Невозможно. И не нужно. ...«Война и мир»? Такая же ложь. ...Фантастика. Не читала Куприна, не стану читать Бунина. Это не моё. Не волнует.

— От сохи? Это классики! — возвысил голос Нелюбов. — Они будут вечно. Сегодня, согласен, много безвкусицы и халтуры, но Шукшин — это свежий ветер.

Таисия демонстративно легла на свою полку. Валентин взглянул на распахнувшийся на ногах халат и вышел в коридор. Он забыл, что уже год не курит. «Надо же, так сказать. Рассказы пахнут портянками. Не стиранными. Что она понимает в литературе? Сидит в своей больнице». А он печатал уже несколько сборников Василия Макаровича. Редактор последней книги Володя Казаков приходил в цех и смотрел, как делается переплёт. ...Он и сам понимал, что брак недопустим,

но в такой книге — тем более. Он разрешил печатникам взять по одному тому из числа выбракованных. Валентин Павлович помнит, как город носился по магазинам, надеясь на удачу.

По вечерам они с женой читали вслух рассказы. Обсуждали почти каждое слово. Аглая не пила в тот месяц. Но книга кончилась, и опять пошли весёлые вечера и субботники.

Нелюбов плюнул в ведро с углем. «Ремесленник. Рабле ей подавай. Берётся рассуждать о литературе, а сама не видела, как книжки печатаются». Хотел идти в купе и дышать одним воздухом с человеком, который не любит рассказы Шукшина. Нет! Он стоял в тамбуре, постепенно успокаиваясь. «Идеальная пара. Звёзды и сбрушат, а дорого не возьмут. Дурень. Распоясался. Перед кем?»

На мокром блестящем перроне Омска было много шумных гологоловых парней. Их с грустной радостью провожали на службу в армию. Нелюбов купил бутылку минеральной воды и газету. У вагона нехотя пил холодную противную воду и поставил недопитую бутылку на проезжающую дребезжащую электрокару с угольными ящиками.

Таисия Ивановна старалась дышать глубоко и ровно, когда в купе осторожно вплыл попутчик. Он был обижен. Она это поняла по тому, как шуршит в темноте его плащ. Нелюбов сел на постель и долго сидел, глядя в фиолетовый квадрат окна, который изредка и на короткое время впускал судорожный свет станционного прожектора.

...А ей нравились рассказы Шукшина. У неё пятитомник; прочитала романы, и даже пьесы. «Насчёт портянок она от кого-то слышала. Зачем-то повторила

глупость. Хотела подзадорить этого милого заочника? Получилось не очень хорошо. Можно оправдаться, попросить прощения. ...Вот ещё что! Не простит. Нет. Он такой прямой, как грабли. И зачем мириться? Утром они приедут, выйдут из вагона и больше никогда не встретятся». Таисия Ивановна искала способ вернуть ту душевную обстановку, которая у них была в уютном купе. И не находила.

Можно было рассказать о том сокровенном, что она думала-передумала. Шукшин — писатель хитрый. Он поднял пласт сатиры. Его нужно не просто читать, а расшифровывать. С наскока и набега не поймёшь, что он хотел сказать, кого обличил своим точным и крепким словом.

Надежды на примирение не было. Они, молча, ехали в одном купе. И можно было протянуть взволнованную руку, чтобы дотронуться до неспящего соседа для установления прежних отношений, но никто это не делал. Ночь скакала по лесополосам, по взгоркам и речкам, корчилась, порванная на куски электровозами и гудками. Редкие огоньки, закрываемые колками, проносящимися составами, походили на чьи-то сигналы.

СОН

Ещё недавно я не верил снам. Людей, которые снами своими и чужими интересуются, не то, чтобы не уважал, а жалел их, будто они дети, верящие сказкам в Деда Мороза. После одного неприличного случая сознание моё развернулось к этим явлениям на сто семьдесят градусов, если не сказать прямо, то стало

диаметрально противоположное. Сонник не купил, но есть упорное намерение разобраться, что и почём.

Дело происходило на старом диване, когда телевизор говорил о том, что технику лучше покупать в Германии, а не делать свои комбайны, так как они все равно будут плохими. Заснул от такой гордости за своего производителя, который ничего не может, кроме ракет и пулемётов.

Привычка была — ночь подступает, меня тянет под одеяло. Иногда раздеваюсь. Фуфайку снимаю, если топят прилично, а чаще, в пимах вползаю под матрац, который наброшен поверх одеял, как средство индивидуальной защиты от низких температур. Бабушка моя уехала нянчить очередную внучку, а я с Дёмой живу. Котиком нашим.

Сплю. Самостоятельно сон вижу. Хотя он мне и не нужен. Я его не заказывал. Смотрю на себя, как бы со стороны. С пакетом за хлебом шпарю. В холодильнике — ни единого куска. Почему в холодильнике? Аппарат гавкнул давно по причине неважного питания и токоснабжения. Сосед мне объяснил, что в розетке у меня низкие стандарты тока. Дошлый мужик. Замерил напряжение во всех комнатах и даже в сенках. Везде оказалось сто восемьдесят пять вольт. Говорит сосед озабоченно, что ток где-то блуждает в проводах, поэтому ко мне приходит не весь, а только его остатки. А нужно его мне двести двадцать. Где остальные брать, не сказал сосед.

Холодильник гудел уже полгода не своим голосом. Подпрыгивал, чтобы нужные обороты в своём нутре набрать, но не мог. Чем я ему помогу? Он не выдержал. Правда, ему было почти тридцать лет. Мы с ним сдружились. Он честный был. Я это понял с пер-

вых лет нашего знакомства. Положу на полку банку кильки. Так она и лежит. Не теряется. Положу в морозилку две камбалы. Через неделю открываю дверку. Все рыбы на месте. Не теряются в процессе хранения. Не газ. Не Украина.

Теперь в холодильнике храню крупу, хлеб и вилки с ложками, чтобы не пылились, потому, как начинаешь из печки доставать золу и шлак, пыль поднимается. Газ только до Европы успели дотянуть, а до нашего посёлка не дотянули немного, трубы кончились. Горох и перловка долго хранится, но чаще всего в холодильнике у меня хлеб ночует. Не перемерзает, как вода в унитазе. Летом не сохнет под солнцем. Не успевает.

О чём это я? Ага иду. А тут на дороге дождь налил лужи. Во всех ямах вода. Хотя и дистиллированная, но по причине частого проезда гужевого транспорта далеко не прозрачная. Не успевает отстояться. Телеги — туда-сюда Лошади — шмяк, шлёп. А тут машина с колёсами по бокам шибко скачет. По ямкам-то заскачешь. Вижу, что я хочу увернуться от автоколёсных брызг, а не выходит. Во сне. Ноги ватные. Матрацем, отдавленные с зимы. Короче говоря, обдало меня этой жидкой смесью. Был бы у меня платок или полотенце. Нет ни того, ни другого. Насморка у меня и во сне не было ночей пять или больше. С месяц. Вытираю всю морду пакетом. Видимость плохая, надо сказать, но вижу чем-то, что ко мне шофёр бежит с тряпкой. Оно и понятно. Внизу переднего стекла у него фанерка, поделённая на четыре ровных квадрата чем-то довольно красным. Между квадратиками одинаковые зазоры.

Шофёр извиняется, дескать, одну ямку объехал, а две другие под колесо сунулись. Их же не видно. Правильно. Под водой никто их не смог бы заметить. Тряпка хорошая. Мягкая. Жёсткой — кто машину обтирает. Можно поцарапать краску, и лицо, вытирая. Не царапает. В магазин захожу. Продавщица кому-то пива нацеживала в пузырь капроновый. На меня поглядела и стала плавно приседать на пол. Бабки — в крик. Бегут к двери. Орут не по-старушечьи. В витрину глянул и обомлел. Морда у меня чужая. Не моя — и всё. Шарю — моя. Гляжу — чужая. Чёрная вся. Даже язык почернел.

Проснулся срочным порядком. Сердце колотится. Вроде вчера и не принимали с Петровичем, а настроение грустное. Пошёл за хлебом. Обедать надо. Закоренелая привычка. Не привычка, атавизм какой-то. Как день, так обедать тянет с кем-нибудь. На хлеб набралось, а на пиво не набирается. По-другому стал считать. На пиво хватает, а на хлеб — никак не насчитал. Если б отрезали куска два, а то ведь, говорят, дескать, не в городе, перетопчешься.

Думаю интенсивно всеми органами, а вдруг на дороге найду как —нибудь нечаянно рублей три или два. Банку взял, иду за хлебом. Про сон забыл свой. Иду себе, под ноги старательно взираю глазами. Стал от дома, где телефон на стене нарисован, к магазину торопиться, дорогу переходить. Перехожу. Пацан какой-то рядом шёл спокойно. Вдруг его не стало. За меня забежал зачем-то. Чего, думаю, нашёл? Вот эта машина с фанеркой за стеклом, поделённой на четыре квадрата. Как ухнет она колесом в асфальтовую колею. Брызги выше банка, наверно, взвихрились. Жду тряпочку. Не видать же ничего. А пацан наперёд слышу,

забежал, что-то промчалось за спиной. Пацан весь сухой, а у меня и передняя часть мокрая и задняя замоченная до самых калош.

Так вот вышло, это мокрое моё дело. Не поверил предупреждению во сне. Как водолаз. Захожу за хлебом, подаю банку. «Не видишь что ли, — залил шары, нету пива ещё». Протёр глаза. Точно. Сел на лавку. Жду. А сам потихоньку думаю про себя. Снам верить надо, а то ведь талдычили в школе, что это пережитки. На солнце встал, сохну постепенно. Поворачиваюсь. С пенсии обязательно куплю толкователь снов. Должно хватить.

СЕЛЬСКАЯ ФОТОГРАФИЯ

С оказией добрался до одного райцентра степной части нашего края. Побродил по центральной улице, полюбовался мощной архитектурой Сбербанка, почитал рекламные вывески и, не зная, куда себя деть (был ранний час и все нужные мне учреждения ещё готовились к рабочему дню) забрёл в первую попавшую дверь. Это оказалась сельская фотография, где хозяйничал суетливый полутрезвый дедок с клокастой рыжей бородёнкой. Его весь курносый носик усеяли крупные веснушки. Поговорили о качестве материалов, о ценах на химикаты.

Когда-то в детстве мне дядя Григорий подарил фотокамеру, которая заряжалась пластинчатыми кассетами шесть на девять. Это тёмное дело мне было знакомо. Нашу беседу прервала милая особа. Она вихрем ворвалась в крохотный зальчик, швырнула на стол пе-

ред дедком фотографии, и с места в карьер понесла, что называется.

— Что это? Я не похожу на себя. Всё лицо мне исказил. Буду жаловаться в суд — дедок взял фотокарточки, посмотрел, подслеповато щуря голубенькие поросячьи глазки, втянул головёнку в плечи. Я тоже сунул нос, как говорится, не в своё дело. Фотки были резкими, тональными. У нас в Липецке не в каждой фотографии можно получить такую доброкачественную фотоминиатюру. ...Я тоже пожал плечами. А женщина продолжала свой словесный напор:

— Мне вчера подружки сказали, что тут я выгляжу, как настоящая алкашка, а я — красивая. Мне все говорили, что я вылитая Любовь Орлова. — Суется, женщина достала старый замусоленный паспорт, перевернула разбухшие страницы. В самом деле, на большой фотке изображена миловидная девица с роскошной причёской. Взглянув на оригинал, глубоко задумался. Передо мной был совсем другой человек. Терпкий запах духов с трудом перебивал аромат минувшего праздника. Дедок достал деньги, подал кричащей особе, а её паспорт отодвинул от себя.

— Извините, — сказал он. — Ваш тонкий художественный вкус не могу удовлетворить. Мой пятидесятилетний фотостаж бессилён.

— Эту фотографию ты делал, Ваня. И сейчас сделай такую же, а не пародию на живого человека. Если развелись, так можно и чо попало мастрячить. Ты смог из Нюрки актрису сделать. Видела её фотки, а мне мог бы и, как раньше, сделать? Что? Мстишь теперь. — Мне становилась понятной ситуация. Взял портфель и направился к выходу. Женщина выскочила, как будто за ней гнались тигры вместе с Запашными.

— Неужели, я так изменилась, ведь прошло каких-то четырнадцать лет. Издевается. Мог бы, и подретушировать, причёску сделать, губы оттенить. ...Вставляю зубы. Как получу деньги, так и вставлю. Разучился фотографии делать, а раньше всё мог.

Женщина с каким-то жестоким выражением старческого лица рвала фотокарточки и бросала на снег.

— Не могла я так измениться. Бывшую жену не захотел узнать. В суде будем говорить. Ты у меня запоёшь...

СНЕГОВЕРТЬ

— Вот тебе и хрен с морковкой, — огорчённо проговорил Лёха Тишин, прыгая в снег с подножки самосвала. Он нервничал. Спешил. И чаще нас буксовал. Ни Степан Иванович Никодимов, Ни Георгий Сидорович Скирдин не упрекнули Тишина, вытягивая его автомобиль из сугроба. Мы спешили. На носу Новый год, а накануне командировки в Павловск за отремонтированными машинами, отвёз Лёшка свою Раечку в роддом.

Из почтовых отделений звонили домой, чтобы сообщить о буране, о дорогах, которые плохо чистят, что от села до села добираемся с большим трудом. Хотели узнать, как там Рая? Кого родила? Самый опытный из нас — дядя Жора. Попросил жену дозвониться до роддома. В очередной деревеньке нам сказали, что ураган порвал провода. Связи нет. Долго не будет.

— О! Погодка! — воскликнул тощенький Никодимов, становясь за скат грузовика. — После этого

пробега, машины придётся опять гнать в ремонт. Откуда эта снеговерть на наши головы?

Серая пелена из несущегося снега давно скрыла чёрную стенку бора с правой стороны и полосатую от валков снегозадержания степь — слева. Мы — с надеждой смотрели в лицо пожилому Скирдину. Понимали, что бывал он и не в таких передрягах, может найти верный путь из ситуации, в которой оказались. Я думал, что надо добираться до ближней деревни. Или развернуться. Дорогу замело. Можно копать снег и медленно продвигаться вперёд.

— Что делать? — спросил Никодимов, закуривая. Скирдин молчал. Понимал, что от его решения зависит наша жизнь. Каждый год не обходится без происшествий. Кто-то замёрз в степи, кого-то нашли в кабине угоревшим. Георгий Сидорович посмотрел на часы, на небо.

— Делать нечего. Если поедem, то сожжём бензин. Доберёмся ли до Кострово — никто не знает. В бору тише. Будем жечь костёр. Утром стихнет. Дорогу пробьют бульдозерами. Мы на трассе. Повезут почту, молоко. Мимо не проедут. — Говорил Скирдин медленно, задумчиво. Его слушали внимательно. Других предложений ни у кого не было.

— Сливаем воду? — спросил Никодимов. — Залезем в одну кабину...

— Надо пробиваться, — загорячился Тишин. — Вчетвером в одной кабине не уместимся. Придётся снимать шубы. Я — согласен копать до утра.

— Бульдозер придёт, а у нас горючего не хватит до заправки, — сказал Никодимов. — Сожжём ведь, буксуя. Есть у меня две канистры — НЗ. Это мелочь. Я

согласен ночевать. ...Родит она без тебя. Всем гаражом будем обмывать.

— Ненадо суетиться, Лёша. — Скирдин вытер платком мокрое лицо. — На курточку надень кожух. Простынешь.— Однажды было у нас такое. Из Рубцовки выехали, нормально. А потом разом. Накрыло. Заднего борта не видно передней машины. Что делать? Пришлось бросить. С углём ехали. Пошли пешком до Песчаного. Три километра брели по пояс в снегу. Вышли в степь. Полегче. А тут у нас большое расстояние. Километров тридцать с гаком... Лыжи надо.

Мело. На глазах автомобиля заносило. Маленький, подвижный Скирдин ещё на целине водил автомобили по бездорожью. Подобные задержки в пути для него не в диковинку. Я — работал в дорожном участке на грейдере. В метели приходилось по суткам снег грести. Я вылезая, иду в будку спать, на моё место садится напарник. Такие тоннели приходилось пробивать, что кабин не видно. Вызволяли застрявших, кормили, отогревали. Шурочка обижалась, что дома по неделям не ночевал.

Когда открылась «Сельхозхимия» — новая организация. Возникла перспектива получить КАМАЗ, предстояло всё лето возить перегной на поля. Надеялся на заработок и возможность начать строительство дома. Жили с родителями третий год. Жена не ладила с матерью. Ей казалось, что Шурочка всё делает не так, как указывала она. Я устал их мирить. Скопленные деньги на покупку цемента, уходили, как вода. И заработок у нас на двоих с женой был не велик. Отец болел. С фронта раны беспокоили. Мама работала на колхозном птичнике. Каждый месяц Шурочке требовалось купить то новые сапоги, то шапку, то кофту, как у

подруги. Она стеснялась ходить на занятия в студенческих платьях. Иногда грустно говорила, что ученицы лучше одеваются, чем учителя.

Тишин донашивал солдатские галифе. Возвратившись с границы, женился и жил самостоятельно, арендуя домик у родственников. Я тоже хотел уйти, но мама — в слёзы, а отец обиделся. Пришлось остаться. А тут попала командировка. Машины нет. Временно работал токарем. Завгар Верёвкин предложил съездить за самосвалом. Не отказался. От него всё зависит. КАМАЗЫ поступят летом. До лета нужно доработать. ...Были документы на право вождения большегрузного автомобиля. В армии два года работал. Вот завгар и переманил меня, знал, что после школы я не поступил в Сельхозинститут, а по совету отца, поработав на комбайне, окончил годичные курсы в училище механизации. В колхозе работы много, а хорошая техника — не всем. Получил измученный тракторок Т-4. Не старый, но загнанный, как лошадь. Человек выжал всё из него, и бросил. Ему другой дали, так как он племянники председателя.

Восстановил. Вечерами оставался, как себе делал, чтобы машина была надёжной, в поле не подвела. Всё бы ничего, но не смолчал на комсомольском собрании, сказал, что родня председателя на новой технике, ей премии и путёвки в Болгарию, а тут приходится за ними технику восстанавливать, а это лишний расход запасных частей. Обидно. Председателю сообщили о моём выступлении. Бабушка говорила, что за молчание — платится золотом. Язык мой — не враг, но и помощник слабый. Трактор опробовал, начал культивировать пары. Отобрал технику главный инженер, отправил монтировать поливальную установку, дескать,

ты грамотный, на четвертом курсе института, давай трудись; новое направление в колхозе; будешь инженером по мелиорации. По глазам вижу, что врёт. Психанул и уволился. Вот такие дела.

— Воду сливайте. У кого есть ведро, так можно и в ведро. Паяльная лампой растопим,— подбадривал нас Георгий Сидорович. Я тоже лампу захватил — батя посоветовал. И у Никодимова оказался «корогаз». Лёха курточку в городе купил и надел в дорогу. Пока орудовали лопатами, откапывая самосвалы, куртка у него начала лопаться и краска с кожи потекла. Я долго искал пробки на радиаторе, на двигателе. Знал, что оставленная вода, разорвёт тонкие трубки радиатора. Кипяток, вырываясь из автомобильных внутренностей, парил, буравил снег, доходя до дорожного покрытия.

— Шулюм заварим, — предложил Никодимов. — Не забудьте воду из канистр слить. Разорвать может. А я вот что хочу предложить. Ванёк, пойдём с тобой вон туда. Кажется, копну видел. Принесём соломы. Брезент мне знакомый механик дал, запчастишки и спецовки прикрыть. Натянем. — Никодимов наливал в ведро воду из капроновой канистры. — Леша, раскачегарь лампу. ...В кузове. Не так будет пламя задувать. Он у тебя железный...

Оглянулся, спускаясь с насыпи. В сером мраке наши машины парили, как самовары. Был бы антифриз — горя мало. Копна оказалась большой. Степан Иванович расстелил палатку и начал вилами накладывать солому. В Павловск мы ехали поездом. Вил я у нашего механика не видел. Куда он их прятал? Кто-то в деревне ему подарил. Почти всю копну приволокли к машинам. Тут Никодимов задумался. Я ещё в поле прики-

нул, что лампа паяльная и солома — несовместимы в одном кузове.

Скирдин и Тишин установили ведро на специальную подставку, которая имела трубу, в которую всовывалось сопло лампы. Пламя не металось от ветра. Гудела лампа, как реактивный самолет. На дощечке, оторванной от упаковки запасных частей, Георгий Сидорович сноровисто крошил мясо. Шулюм — это такое блюдо, которое обычно готовят в наших краях охотники и рыбаки. Собирают до кучи, прихваченные припасы, главный повар решает, что съесть сразу, что оставить на утро, а скоропортящиеся продукты — пойдут в котёл. Так как у нас не было дичи и рыбы, то в кипяток отправились копчёное мясо, сало, порезанная колбаса. Никодимов бросил какие-то приправы, очистил луковицу, но бросил не всю.

Припасы наши домашние кончились в вагоне. Остатками ужинали, когда проверяли полученную технику. Сразу не поехали, а подготовили её к дальнему путешествию. Это только в кино после ремонта можно сразу отправляться в путь. На практике — иначе. Регулировали тормоза, доливали масло в картеры. Никодимов, молча, помогал нам. Давление в шинах проверит. Залезет в смотровую яму, открутит контрольные пробки, узнает, как налит нигрол в мосты, есть ли в рулевом масле. Катит нагнетатель, добавляет автол в коробку перемены передач.

Мне отрегулировал свет в фарах, возился со стоп-сигналом, который загорался не при каждом нажатии на педаль тормоза. Я его зауважал, как человека и как хорошего специалиста. Без него мы бы и за город не выехали. Скирдин — тоже опытный, но больше своим грузовиком занимался. У него что-то с дисками

муфты неладно. Вот тебе и завод, вот и гарантия. Георгий Сидорович по улице проехал немного и понял, что собрали двигатель, не проверили толком. Никодимов вызвал начальника ОТК. О чём говорили, я не слышал. Да только пришлось под кран встать. Погрузили в мой кузов двигатель. Чистенький. С капремонта.

Не стояли за воротами, ожидая техническую помощь от завода. Работали долго. Приходили в гостиницу, выпивали по «соточке», ужинали, и вновь мыли руки, но уже горячей водой. Утром вставали рано, пили чай в номере, так как буфет ещё не открывался, спешили на завод. Прогноз погоды слушали, но ничто не предвещало штормового предупреждения, хотя Георгий Сидорович выразился как-то насчёт старой травмы, будто она сигналист ему о перемене погоды. Кто знал, что в конце года намечается снеговерчение.

Над кузовом Леха и дядя Гоша укрепили брезент, соорудили из связанных ватников и телогреек сиденья. Работали, молча, лишь изредка кто-то просил поддержать брезент, подать молоток.

— Весь брезент натягивать не станем, — сказал Скирдин. — Вот так. До половины. Остальное подогнём. Когда лампу выключим, тогда и соломы настелем.

— Царская горница, — сказал Тишин. — А давайте брезент набросим. Быстрее чай вскипит. Теплее...

Я включил и подвесил переноску. Степан установил в центре подпорку из лыж, купленных сыну Славке. По просьбе Никодимова обошёл автомобили, проверяя, как закрыты дверцы кабин, вся ли вода покинула блоки двигателей. Под машинами чернели протаянные норы, выпускавшие хилый парок. В двигателях что-то тяжело потрескивало, попискивало, будто они жаловались на нелёгкую дорогу. Я принёс транзи-

стор и укрепил на лыжные крепления. Шулюм аппетитно парил. Мужчины принялись рассматривать свои подарки, будто впервые увидели.

— Гирлянду повесим? — предложил шутливо Тишин, показывая коробку.

— Я старухе платье купил, а вручать придётся в следующем году, — сказал Скирдин. — Лишь с размером бы угадать... Ничего, они знают, что мы в пути. Поднимут за нас фужер.

Порезали подогревшуюся колбасу, открыли две банки тушенки. Никодимов налил в кружки варево, вытер полый новой телогрейки стаканы, предусмотрительно захваченные из гостиницы. Выпили, поели. До Нового года оставалось семь часов. Закурили. Каждый, вероятно, думал о доме. Я сосёнку привёз по теплу, чтобы не отпали иголки, поставил в летней кухне. Шуручка проверила игрушки, часть забраковала. Помялись. Сколько лет лежали на чердаке. Мы с сестрой давно их не трогали. Сестра училась в институте на агронома. Вожу ей подарки из дома, когда на сессию еду. Однажды даже ночевал в девчачьей комнате на раскладушке. Родители мои и Шуручка знают, что мы застряли. Дозвонился до колхозной диспетчерской, попросил передать отцу, что задержимся. Скирдин пытался связаться с нашей диспетчерской, но у нас новое оборудование, а радист колхозный не мог настроиться на нашу частоту. Заезжали мы в колхоз «Путь Ильича», запасались продуктами. Никодимов встретил в конторе знакомого инженера, тот предлагал нам остановиться на пару дней, говорил, что мест хватит в тёплом гараже, что из Барнаула пришёл прогноз о буране. Скирдин согласился, но мы с Лёхой были уверены, что проскочим. Дорога чистая, автомашины идут хорошо. Проскочили

бы. Но захрустела коробка у Георгия Сидоровича. Вылетела вторая передача. Не стали долго размышлять. Никодимов забрался ко мне в кузов. Среди запасных частей быстро нашёл узел. Пока снимали, отсоединяли карданный вал, запасливый Степан Иванович отыскал дощечки, чурку, раскочегарил паяльную лампу... Коротче говоря, три часа провозились.

Заволокли солому под брезент, выпили ещё и молчали, слушая Анну Герман. Её Надежда наполнила наше низкое пристанище атмосферой оптимизма и уверенности.

— Зря шахматы не взял, — сказал Тишин. — Сейчас бы турнир устроили.

— Хочешь, я тебе сделаю шашки. Из гаек. А доску... Расчертим вот фанеру на ящике. С чем он? — спросил я у Степана Ивановича.

— Мелочёвка. Аптечки, ремни вентиляторные. Бери карандаш. Коробком спичечным размечай... Я бы выключил переноску. Посадим аккумулятор, не заведётся движок. А ещё Новый год встречать.

— Тоже верно, — согласился Скирдин. — Я вам историю расскажу. Всё время быстрее пойдёт. Анекдоты, кто знает?

— Потом анекдоты. Послушаем? — спросил Никодимов, подкачивая паяльную лампу. На неё надели дырявое ведро, в целях безопасности, чтобы пламя не раздувало. Оно мгновенно покраснело. А когда за борт кузова опустили брезент, пламя не металось от ветра, который начал стихать. Вскоре под брезентом потеплело. Басовитый голос Георгия Сидоровича завладел нашим вниманием.

— Это была наша первая целинная осень. — Начал Скирдин несколько торжественно и значимо. Я по-

нял, что его рассказ не на пару минут, с интересом стал ловить каждое слово. — Как умели, собрали свой первый урожай. Возили зерно на ссыпной пункт днём и ночью. Поняли, что не зря, как говорится, коптим небо. Вспахали зябь, посеяли озимые. Дел — непочатый край. Есть к чему руки приложить. Шутка ли, посёлок в степи строим. Две улицы вполне смотрятся симпатично. Но большинство парней и девчат ещё живут в палатках, только семейные переселились в дома, да и они — в тесноте и в обиде. Топоры стучат до самых звёзд. Народ молодой. Приехали с разных сторон. Кто по комсомольской путёвке, кто по «пионерской». Кто за романтикой, кто за деньгами. Каждый свою цель преследовал. Я приехал по призыву армейскому. Подходило увольнение в запас. Пришло какое-то обращение из соседней танковой части, дескать, кто хочет на целину, пусть осваивает специальности. После службы, вечерами учились кирпичи класть, опалубку ставить. Водителем служил в артполку. Шоферов на целине у нас оказалось много, а трактористы — на вес золота были. Переучиваться некогда. Показали, как запускать, как поворачивать. Плугом управлял прицепщик. Пахали мы. А степь вокруг до самого горизонта. Вывалишься из трактора. Горючка кончится. Сменщик забыл заправить. Ляжешь поверх земного шара спиной, смотришь в небо, слушаешь, как суслики свистят, как жаворонки верещат. Чувствуешь всем телом, как на другой стороне Земли люди живут и работают. Запахи степные голову кружат. По-особому пахла тогда наша земля. Пьянила. На следующий год она по-иному пахла. Не так. Горизонт сузился. Дикая была степь, чужая. Мы кто для неё? Гости. Потом родной стала, когда заколосились поля наши, когда пошли комбайны, окуты-

ваясь пылью. До обеда гон в одну сторону, после обеда — обратно. Круг! По тридцать центнеров получили с гектара. На иных полях и того больше. — Скирдин вздохнул, помолчал, оглядывая нас, лежащих в полутьме на соломе, упакованных новенькими ватниками. Скирдин потребовал, чтобы не курили, чтобы надели на себя по двое ватных брюк и телогреек. Пахло табачным дымом, бензиновой гарью и пшеничной соломой.

Пробило прокладку под головкой двигателя. Остановил свой ГАЗон Скирдин. Сидит на подножке и глазами шоссе из города щупает. Вечереет. Трос приготовил. Ждёт Ивана Махоткина. Вёрткий парень. Москвич. Не должен сломаться. На элеваторе за Скирдиным стоял на разгрузку. Приехали в посёлок. К директору. Тот послал к механику. Щетинина нашёл в поле. Нет прокладок. Такая вот новость. Что делать? Думает свои думы Гоша, а сам принялся снимать головку, что на цилиндрах лежит. Не успел добраться до прокладки, как слышит голос мальчишечий. Зовёт кто-то его. Мастерская строилась. Газон стоит около кучи кирпичей. За полынами не видно. Смотрит Скирдин, пацан бежит. Ищет его.

— Директор кличет. Быстро надо бежать. Срочно.

Гошка было кинулся, но остановился. Принялся ключи и гайки собирать. Директор в комнатухе сидел с главным бухгалтером и агрономом. Бухгалтер арифмометр вертит, агронома нет, а Петраковский что-то в телефон нецензурное выговаривает. Махнул Скирдину рукой, дескать, садись. Наговорившись с трубкой досыта, говорит:

— Завтра с утра поедешь в эмтээс, вот распоряжение на запасные части. Если что, звони. Груз захвати.

— У меня же прокладка...

— Иди на почту. Там получишь инструкцию. Помни. Головой за груз отвечаешь. Некого послать. Выручай.

Ничего не понимая, Скирдин поспешил к домику, где располагалась почта. Заведовала почтовскими делами молоденькая девушка из Тамбова, имевшая финансовый техникум за своими хрупкими плечиками. Много было в посёлке Новостепной пригожих девиц-красавиц, но вот такая была одна. Добивались её расположения парни, но всем поворот давала. Скирдин на почту ходил за письмами, маме излишки денег посылал в Подольск. Как и все, говорил: «здравствуйте, до свидания». На танцы ходил, но танцевать не умел, стоял с парнями, семечками угощался и девчонок рассматривал. В центре бесед и обсуждений была она. Всё, как у всех, но вот лучше других — и точка! С кем бы ни разговаривал Гошка, а голова, как магнитная стрелка, поворачивается в её сторону. Бывает же так. Сам не может понять, отчего с ним это постоянно происходит. Если бы умел танцевать, пригласил, поговорили о видах на урожай, о предстоящем приезде делегации. Много приезжало народу; не только из соцлагеря, но и капиталисты удивлялись. Хотя фотографировали американцы не новые дома, а какой-нибудь завалившийся туалет. Понравились своей степенностью делегаты из Индии. Ели всё подряд, открыто радовались и веселились на концерте молодых целинников. Для американцев дорогу провели прямо по посевам. Пыль в глаза пускали, дескать, вот какие у нас дороги. А дороги такие — после дождя два часа пилишь до элеватора. Не было тогда ни щебёнки, ни асфальта. Гря-зю-ка. Надевали цепи на колёса, чтобы меньше

буксовать. А если уж на мост сядет грузовик с грузом, то без тракторной услуги — никуда.

Заходит Гошка в комнатёнку, дыхание перехватывает. За барьерчиком — она. Небесная красота, ангел без крыльев. Сердце у парня крутанулось и упало в желудок или ещё дальше проскочило.

— Старший сержант Скирдин Георгий прибыл в ваше полнейшее распоряжение.

— Здравствуйте, — говорит певуче Надя. А парень в окно повернул голову, по барьеру пальцами постукивает, пытаясь спрятать свою глупую радость. Куда её спрячешь, если она наружу лезет, как суслик из норы. Девушка встала и говорит тихо и ласково:

— Поедем мы сегодня, а не завтра. Чтобы вы знали меру ответственности, скажу честно, что повезём кинобанки и деньги.

...Гоша вдруг понял, что и револьверу системы Нагана уже сто лет в субботу и патрончикам — лет двадцать. Будут ли они стрелять, не разложился ли от времени порох. Посмотрел на донце патрона, чтобы узнать дату выпуска. Не старые.

— За почтой и выручкой приезжали из райцентра, а тут произошло изменение. Нужно самим доставить выручку и «кино» поменять. Отвозил банки свои киномеханик, посылки прихватывал дядя Петя Смородский, а вот увезли его в больницу с аппендицитом недавно. — Слушает Гоша девушку, а сам думает: пусть хоть банда нападёт, дорого заплатят. Грудь у него колесом выгибается, чубчик просто гребешком задиристым встаёт. Приладил паренёк кобуру к себе на ремень брюк. Попробовал выхватить быстро оружие, как показывали в кино. Не сразу получилось.

— Давайте будем грузить, — говорит Наденька, надевая плащик, повязывая косынку. Георгий видит кинобанки у двери. Читает: «Кардинал Ришелье».

— Машина у меня сломалась, — вдруг упавшим голосом говорит юноша. — На чего грузить?

— На бричку, — ответила Надя и вытащила из-за шкафа зеленоватый мешок с белыми тесёмками и болтающейся дощечкой, к которой тесёмки припаяны сургучной печатью. Этот самый мешок девушка с помощью Георгия поместила в другой мешок. Обыкновенный. В таких — обычно перевозят муку или ещё что сыпучее. Гоша понял, что Надя очень умная девушка. Не хочет, чтобы кто-то видел, как она грузит в телегу мешок специального назначения. Маскировка. Умница. Думает парень свои думы, с грустью ставит банки в солому. Весь транспорт директор отправил на станцию за цементом. Срочно нужно вывезти. Штрафы за простой вагонов большие. Фундаменты надо заливать. Два месяца ждали цемент. Райком помогал, колхозы помогали. Мало. Мало. Где-то на глине стены выкладывали, но без цемента всю целину не поднимешь.

Расписался парень в каких-то бумагах. Надя замки принялась закрывать. Какая-то девушка прибежала, чтобы письмо получить, но её корреспондент только ручку искал. Принёс Гоша ещё две кинобанки. Укрыл куском брезента. Наденька сидит впереди на доске, положенной поперёк брички. Смотрит на него. Сел и он. Ездил на разных марках автомашин. И на полуторке, и на ЗИС-5 и даже на ЗИМе командира полка с месяц катал, пока не дали «козлика», а вот телегой ни разу не управлял. Колёс — четыре. Но вместо двигателя живое существо. Лошадка. Вожжи — это руль. Думает Гоша. Тормоз, как ручной, так и ножной — отсутствуют. Пе-

даль газа — не видать. Стараясь не показать своего дилетантства, Георгий берёт вожжи и начинает их дёргать, причмокивая губами. Этот процесс запуска телеги и коня в действие видел в далёком детстве. Надя смех пытается спрятать, но не может. Фыркает, прикрывая ладошкой ротик.

— Васятка привязал к ограде чем-то. Отвязать надо.

...Сконфуженный таким поворотом транспортного дела, Скирдин спрыгнул, привёл лошадку в надлежащее состояние, и поехали они за посёлок. Не хочет коняга быстро ехать. Что только не делал рулевой. Пугал вожжами, сорвал стебель полыни. Не бежит и всё. Оглянется на сидящих, ухмыльнётся лошадиной ухмылкой и опять топ, да шлёп по пыли копытами. Скрипит телега. Катятся колёса. Надя смеялась, смеялась, взяла вожжи, да как крикнет звонко и дерзко: «Но!!!». Лошадка сначала поскакала, переваливаясь мышцами крупа и, помахивая хвостом, но потом перестала бежать и заперевирала ногами нехотя и плавно. Гоша и Надя не знали того волшебного слова, а точнее, слов, которые всегда произносит хозяин лошади, развозивший к тракторам и комбайнам воду и масло, обед и газеты. Поэтому лошадка не принимала во внимание другие слова, другие жесты. Небольшой кнут Надя заложила мешком, в котором что-то шуршало. А его нужно было показать доброй лошади, чтобы начала слушать команды и выполнять их на сто процентов.

Несколько раз вскакивал Гоша и кричал на всю тёмную степь разные команды. Лошадь его игнорировала полностью. Если Надю иногда слушала, делала вид, что хочет побежать, то на Гошины вскрики только хвостом поматывала. Что делать? Не хлестать же бед-

ную совхозную работягу палкой. Она весь день по полю возила бочку с водой, слушала нецензурные слова конюха и рокот тракторных двигателей, пахавших зябь.

До райцентра недалеко. К утру доберутся. Если раньше приехать, то ночью кто будет кинобанки и деньги принимать? Ночью в райцентре обязательно спят. Это в совхозе при электросвете работают плотники. В колхозе, по полям которого ехали Надя и Гоша, было тихо и безобразно пустынно. Зябь вспахали. Тракторы возили солому на фермы только днём. На полевых станах светили редкие фонари.

Разговаривали Надя и Гоша на разные темы. Луны не было на старом небе. Отдыхала. В густом мраке просматривались пятна копён у дороги и сама дорога, уходившая перед лошадьёю вдаль. Гоше нравилось нечаянное поручение директора. Он бы мог каждую ночь ездить в райцентр, ощущая боком тёплый плащ девушки. На его счастье начал накрапывать дождь. И Георгий подтянул к себе кусок палатки, в которой они жили весной, укрыл Наденьку и себя. Лошадке брезента не досталось, и она укрывалась от сырости собственной шерсткой и шкурой. Через полчаса дождь припустил, и лошадка прибавила ходу. А Надя и раньше неохотно отвечала на вопросы спутника, а то и вообще перестала разговаривать. Лошадь не быстро бежит. Надя тихо молчит.

— Не хотите со мной разговаривать, просто поддерживайте беседу, чтобы дорога сокращалась немного.

— Хочу, — говорит она. — Но я боюсь. — Смеётся тихо и радостно.

— Чего меня бояться? Я же вам давно известен. Как только вы приехали в мае в туфлях. И застряли на обочине. Я — как раз зерно вёз. Ваш чемодан перевязал проволокой, и туфли ваши из грязи доставал полчаса. Вы же их потеряли. — Надя ещё больше смеётся.

— Это были вы? — радостно спрашивает она, и теснее прижимается к той его стороне, у которой наган прикреплен. Гоша его хочет сдвинуть назад. Никак. Вперёд попробовал. Получилось. — Я думала, что на улицах уже асфальт. Почему-то писали, что сначала строят целинникам дома, детские садики, школы, а потом только привозят людей работать.

— Так было бы намного лучше, — согласился Скирдин. — Ни магазина, ни клуба. Живём, как на необитаемом острове. Будто нас выбросило штормом. ...Интересно, но неудобно. До медпункта надо час добираться. Это в лучшем случае. Приехали несколько семей. Куда деть детей? ...Трудности нас не пугают. Согласен. Вы же простыли, пока брели по холодной воде в туфлях. Никто вас не встретил на вокзале.

— Девочки поехали дальше в Казахстан, а у меня была путёвка сюда. Вот я и не звонила директору. Думала, что и общежитие есть...

Дождь идёт себе. Коняга шлёпает копытами по лужам. Ни звезд, ни огней. Степной осенний мрак. И тут вот началось у парня непредвиденное. Хотя и ничего не ел молодой человек перед поездкой, а приспичило, выражаясь народным языком. А тут животное приостановилось и нагло принялось справлять возникшую у неё большую и малую нужду. Это событие, обладающее не только запахом, но и звуками, привело Гошу в шок. Он хотел покинуть качающееся средство передвижения, но крепился, из последних сил. Терпел и

увидел, что лошадка приближается к светлому пятну. «Ёлки зелёные! Копна!» Чуть не заорал Скирдин.

— Коняга есть хочет, — говорит ошастливленный Гоша и оставляет вожжи. — Вот тебе ужин. — Говорит Скирдин, суя в рот лошади мокрую солому. Шуршит себе парень, чувствуя облегчение, а сам зачем-то какие-то ремешки на лошадиной амуниции развязывает. Скорей всего, ему попал под руку главный предмет конной экипировки — хомут. Есть такая штука. Она держит оглобли, дугу и надевается через голову. Вздохнув радостно и почти счастливо, паренёк подумал: «Вдруг ей тоже надо, — незная, как девушке сказать о суровой необходимости, решился.

До третьего класса он и его друзья считали, что любимая учительница Лидия Антоновна никогда не ходит в туалет. Не замечали дети, чтобы она спешила на перемену. Исходя из чувства заботы и солидарности, как бы спросил:

— Надя, а вы знали, что учителя в туалет посещают? ...Я думать даже не мог, что наша Лидуся может, как и мы, до перемены не дотерпеть.

— Какой вы тактичный, Гоша, — ласково сказала Надя. — Я бы могла сухарик погрызть. А больше ничего не хочу. Забыла куда положила сумку. Там у меня бутылка с молоком и пирожки с картошкой. С Аней пекли вчера. Она медсестра.

Хозяйственная сумка забила под солому и не промокла. Не успела Надя Григорьева обнаружить в ней картофельные пироги, как бричку задёргало, вожжи из рук Гоши кто-то вырвал сильно и грубо. Бричка встала, кто-то вдруг затопал сильными ногами со всех сторон брички. «Банда!» Хватаясь за кобуру, быстро соображал Георгий. «Когда успели выследить?»

— Что это? — спросила Надя, вышаривая мешок в ногах под соломой.

— Окружают. Прячемся в копне. — Гоша схватил Надю, а Надя, не отпуская мешка, поспешила к копне на его руках. Они быстро закопались в солому. Лежали тихо и дышали пылью. Наступила звонкая тишина. Только дождик что-то нашёптывал в солому. Гоша выглянул из копны и увидел телегу. Лошадь отсутствовала. Он понял, что совершил ошибку, развязывая ремешок, который стягивал клешни хомута. Признаться он не станет. В крайнем случае, сегодня.

— Лошадь! Лошадь! — кричали во всю мокрую и тёмную степь Гоша и Надя. Лошадь не отзывалась и не показывалась. Она вся ушла в темноту ночи и, похоже, навсегда.

— Не расстраивайтесь. Она такая. Она умеет выпрягаться и убежать домой. Дядя Миша рассказывал.

— Это я ей помог дезертировать, — сознался Гоша, и стал вспоминать о том хорошем, что могло у них быть перед лошадиным побегом. Надя вспомнила раньше. Она принесла сумку.

— Костёр мы не разведём. Берите и ешьте. Пирогги первого сорта. Волки тут не должны жить...

Гоша стремительно сжевал пирог, ему показалось, что где-то очень далеко кто-то завыл. Спичек у парня не оказалось в наличии, так как курил он редко и неохотно, потому что никто не запрещал. Поэтому пачки «Севера» ему хватало иногда на неделю, если было много работы, а коллеги отправлялись в рейс с папиросами. Надя разрешила испортить патрон, чтобы зажечь костёр. Нужно было сначала вытащить пулю, высыпать порох на тряпку, а тряпку положить на сухую солому, а потом выстрелить. Георгий долго хо-

дил вокруг телеги, ища удобное место, которое могло расправиться с пулей. Постукивая сбоку по гильзе ручкой нагана, Гоша раскачал пулю, аккуратно высыпал порох в Надин носовой платочек. Предстояло попасть ударником в нужный капсюль. Всякий раз, когда Гоша взводил курок, барабан поворачивался, подставляя боевой патрон. Рулетка, — подумал парень, читавший в школе книгу какого-то американского автора. Тогда удалил шесть патронов с пулями, поместив их в карман пиджака. Надя сидела на мешке с деньгами и употребляла молоко из полулитровой бутылки. Скирдин отказался от молока, сказав, что оно испортит его настроение. Надя ласково рассмеялась.

— Я — обожаю молочные продукты. Особенно люблю готовить молочную лапшу. Ты любишь молочную лапшу? — неожиданно спросила девушка и застеснялась своего порыва. Незаметно они перешли на близкое и доверительное — «ТЫ».

— Ужасно. Люблю, — сказал Георгий, и так покраснел, что солома могла бы загореться от его щёк, если бы он догадался их положить в копну. — Мне нравится пшённая каша с молоком. От молочного коктейля я пьянел, когда ходили в кино, заказывали в буфете. Честное слово. Поедем в город, я тебя угощу. Прокладку поставлю... Затыкай уши. Сейчас. — Щелчок был громкий. Порох вспыхнул, платок затлел. Гоша пытался подставлять солому. Дул. Солома не загорелась. — Нужна большая тряпка. Он вырвал карман из брюк, но Надя не разрешила ломать второй патрон.

— Придётся писать объяснение. За один патрон ничего не будет особенного, а за два вызовут...

Гоша вспомнил, как обещал директору ответственно отнестись к поручению. Взял оглобли и поволол телегу.

— Что ты делаешь? — подошла Надя с мешком.

— Работаю, как лошадь. Граждане пассажиры, займите свои места согласно купленным билетам. — Она не тяжёлая. С детства люблю катать телеги. — Бодрился парень, приглашая девушку сесть в телегу. Через сотню метров Гоша выдохся. — Как я люблю катать телеги с деньгами. — Вдруг телега влетела в промоину и встала, как приклеенная. В ботинках Георгия хлюпало. Сколько бы он ни дёргал оглобли, ничего не получалось. Он сел рядом с Надей.

— Давай вместе. Я — буду толкать, — предложила девушка, приобнимая его за плечи. Он взял её руку с тонкими холодными пальчиками и пытался согреть. — Что-то я замёрзла от молока.

Начал моросить дождь. Георгий пытался придумать выход из ситуации. «Телега не нужна. Её можно бросить. Отволочь в кусты лесополосы. Кинобанки можно спрятать. Деньги... Он понесёт. К утру, они преодолеют десять километров. В принципе можно дойти до бригады. Там передохнуть в сторожке».

— Я спрячу кинобанки, и мы пойдём. Согласна? Есть второй вариант. На том поле солому сволокли. Огромная скирда. Залезем в нору, дождёмся утра. Утром кто-нибудь поедет. Попросим довести. Директор узнает от конюха, увидевшего лошадь без телеги, пошлёт за нами машину или конюха.

— Я — за второй вариант, — говорит Надя, сдерживая стук зубов. — Замёрзла сильно.

Георгий Сидорович поёжился, передёргивая плечами, продолжал:

— Прячу кинобанки в лесополосе. Веду Надю по полю. Она спотыкается. Часов у меня нет. Смотрю на Полярную звезду, ищу Большую медведицу. Возможно два часа. У Нади жар. Вырыл нору в соломе. Сижу. Надо что-то делать. А вдруг умрёт. Такая она мне стала родная, хоть плачь от жалости. Что-то или кто-то меня как будто бы подкинул. Вылез я из соломы. Пошёл за скирду. Что вы думаете? Стоит трактор ДТ с волокушей. Аж подпрыгнул. Повозиться пришлось. Пускач ревёт. Двигатель раскручивает, но не запускается. Топливо есть. Всё в норме. И всё же зарокотал он, дорогой. С большим трудом уместил Надю в кабину. Она сознание теряет. Ничего не понимает. Прижала к себе свой мешок и отталкивает меня.

— Что дальше? — нетерпеливо спрашивает Лёха.
— Спас девушку? И не поцеловались ни разу?

— По деревне еду. Грохот, сами понимаете, на всех парах. Это сейчас асфальт, а тогда песок и мурава — по проезжей части улиц. Положили Надю. Я — мешок с собой, в киносеть. Утро. Рано. Никого. Кинобанки выгрузил. Хоть кому бы сдать. Надо было на почту везти, а я знаю? Куда? Приехал на мотоцикле киномеханик, взглянул на банки.

— Где ещё одна?

— В трактор. Нет.

— «Кардинал Ришелье», — называет номера частей. Я — не соображаю. Потерял в темноте.

— Акт пишем на Григорьеву, — Начальник этой конторы приходит... Акт составляют. Говорю, что поеду и найду этого «кардинала». Спрашивают Надю. — Подвёл человека по монастырь. И директора подвёл. Везде и во всём виноват. Не могло же банку с лентами ветром укатить. Там она лежит. Недалеко от телеги.

Беру акт и читаю. Двенадцать тысяч рублей. Поймите, говорю, человек при смерти лежит. Он не виноват. Это я потерял. На неё написали. Найду я сейчас. Поеду и привезу. Ругались, ругались. Тут пришёл какой-то дядя. Неведома, кто и откуда. Потом я узнал из райкома инструктор. Попёр на меня, что называется буром. Телегу покатыл, как говорят. Наглец. Пошёл к трактору. Он меня хватает за рукав. Дёрнул я его, он — упал. У меня наган выпал из кармана. Какие-то тётки со швабрами стояли. Визг. Крик. Набросились на меня и связали. Сижу связанный, и оправдываюсь. Меня никто не хочет за честного человека признавать. Банки нет. Лезут мешок открывать. Ору им — не имеете права! Это государственные деньги. А у меня никаких документов с собой нет. Всё в машине оставил.

На мотоцикле приехал милиционер. Выслушал. Всё понял. Позвонил в совхоз наш. Сообщил, что да как. Мне трубку дал. Я — добавил, что Надю в больницу уложили, без памяти она. Кинобанку я в лесополосе потерял. Сейчас пойду деньги сдавать в сберкассе. Милиционер помогает. Требуется деньги пересчитать. Подписали мне бумаги.

— Нашли банку? — не утерпел Тишин. Мне показалось, что он чем-то недоволен. Резко встал, посмотрел на часы и покачал паяльную лампу, пытаюсь определить, сколько осталось в бачке бензина. Скирдин продолжал рассказ, который я немного приукрасил, снабдив малозначащими пояснениями и дополнениями.

— Куда же она денется. Поставил я трактор на место. Милиционер уехал с этой лентой. Пошёл я пешком. Несу запчасти. Милиционер вернулся. Душевная милиция. Довёз меня до гаража. Что Надя? Через три

дня приехала. Сын у нас и дочь. Юрка из армии должен придти. Обещал в марте...

Тишин включил переноску и резко придвинулся к сидящему Георгию Сидоровичу.

— Так вот ты каков, — усмехнулся Лёха. — Фантазёр. А вы тут уши развесили. Сидим. Слушаем. Наврал он. Не так всё было. Расскажите, пожалуйста правду, как всё было на самом деле.

— Так и было. — удивился наш спутник, почесал небритый подбородок.

— Тебя удавить надо! Тварь ползучая.

Мы с трудом оттащили Тишина к борту. Удивлённо смотрели на парня и Скирдина. Пожилой мужчина вёл себя довольно странно. Никодимов откинул брезент. В ночной тишине сверкали на чистом небе звёзды. Очень далеко, в степи просматривался одинокий свет фонаря или прожектора. Вероятно, это был полевой стан бригады.

— Что случилось? — недоумевал Никодимов. — Расскажи, Алексей.

— Нет уж. Пусть он поведаёт свою историю. Только честно.

— Я — всё рассказал, — дёрнул плечом мужчина. — Если ты, что-то знаешь, так и расскажи, где я неправ, что не так.

— Расскажу. — Загорячился Тишин, вынимая сигареты, и усаживаясь на борт кузова. — До Нового года есть время, но пить я с ним не буду. Почему? Потому. Сволочь первого сорта. Вот он кто. Прикидывался добреньким...

— Поясни, — потребовал я, рассматривая лёд в ведрах с водой. Мы надеялись, что вода не замёрзнет

вся. Изредка прогревали её, чтобы утром залить в двигатели, не тратя много времени на таяние снега.

— Оскорбляешь человека, а мы ничего не можем понять из твоих слов, — Закурил и Никодимов, подталкивая солому к кабине.

— Не хотел я. Но придётся. Так вот — это. Мой отец. Биологический, так сказать. Только сегодня я с ним познакомился.

Мы молчали. Скирдин удивлённо качал головой. Тишин нервно курил.

— Вот каков наш коммунист, член группы народного контроля. ...Хорошо. ...По порядку. Всё было так. Мать была без сознания. Она простыла раньше, а в дороге её стало плохо. Этот козёл воспользовался бессознательным состоянием девушки.

— Не хотел. Так получилось. Мы лежали рядом... Поженились.

— Молчи, тварь. Пока я тебе башку не пробил. Это было бы ничего. Эта скотина не только потерял кинобанку, но ещё и залез в денежный мешок, разрезав его по шву, а потом склеил. Ты думал, что никогда, и никто не узнает, что ты вор. ...Какой ты мне отец? Но вот ещё что. На суде. Был товарищеский суд. Он ничего не сказал в мамину защиту. Получилось так, что деньги украла она. Никто не верил в то, что она смогла это сделать. Директор совхоза выплатил убытки из кассы. Директор получил выговор. ...Мама уехала меня рожать к бабушке. Она знала, что деньги ты украл — насильник, но молчала и терпела. Надеялась, что признаешься. Она тебя любила очень. Всю жизнь. До самой смерти. Я случайно нашёл два письма от её подруг. Ничего не понимал. Когда этот рассказал о кинобанках, тут я прикинул, что и к чему. ...Но меня после

службы занесло именно сюда. Мы с Иваном приехали. Он-то местный. Предложил мне погостить у него. Познакомил с девушкой. Так вот и остался. Мог сто раз уехать. Почему оказался в одной организации с ним, да ещё и вот так встретился с папашей.

— Алексей, хватит шутить. Не смешно. — Говорил Георгий Сидорович. — Это какое-то совпадение. Я ни виноват. Денег я не брал никаких. Приедем. Надя подтвердит. Мы поженились после того, как она выздоровела. Это ты зря наговариваешь. Никуда не уезжала Надежда. Забеременела на второй год... Лишку выпил?

— Срок давности. — Нехотя сказал Никодимов. — Ничего ему не будет, выговор заработает. Ну, из партии вышибут. Набъём мы его поганую рожу. Тебе легче не станет. Поверь мне. Он с этим жил. Разбогател за счёт девчонки. ...Сиди. Не дёргайся. Замёрзнешь. А мы потом отвечай за тебя, как за человека.

— Хватит шутить. Не первое апреля. — Взмолился Скирдин.

— Вот это встреча... — удивлялся я, думая, как жила эта девушка, веря и надеясь в справедливость. Может, это была такая любовь? Скирдин сухо рассмеялся. Лёха отвернулся. Мы подавленно молчали с Никодимовым. Настроение было испорченным основательно.

— Как фамилия у твоей матери?

— Жилиякова. Надежда Фёдоровна Жилиякова.— ответил Тишин.

— Моя Надя — Григорьева. Слушать надо лучше. Внимательнее. Совхозов Новостепных много и у нас в крае, и в Казахстане. Твоя мама, где работала? ... Не помнишь. Попался ей подлец, а вы тут на меня надели.

— Простите, Георгий Сидорович, виноват я. Перепутал...

— Хорошо, сынок. Папу не узнал. — Усмехнулся Никодимов.

Мы грели воду. Перед обедом пришёл бульдозер и грейдер. Выпили немного, но голова болела от бензиновой гари. Тишинных стало трое. Раиса родила девочку.